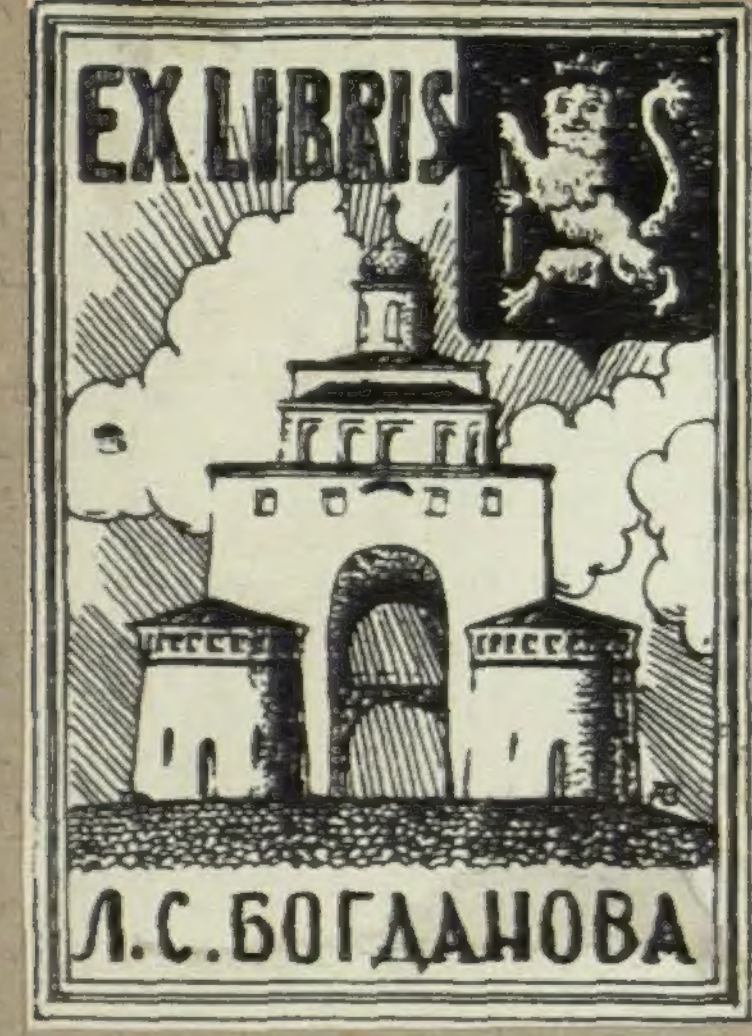
ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ОКРУЖНОГО
НАУЧНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ИЗ ПРОШЛОГО ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ
Владимирского Окружного Научного Краеведческого Общества

ВЛАДИМИР—1930

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ТРУДЫ ВЛАДИМИРСКОГО ОКРУЖНОГО
НАУЧНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ИЗ ПРОШЛОГО ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ
Владимирского Окружного Научного Краеведческого Общества

ВЛАДИМИР — 1930

г. Владимир.
Окрлит № 42
Тираж 555 экз.
Владполиграф.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культурно-историческая секция Владимирского окружного научного краеведческого общества за последние годы развила большую деятельность, главным образом, в части изучения архивных материалов, хранящихся во Владимире. Результатом этой деятельности явился ряд докладов, заслушанных на заседаниях секции и общих собраниях членов общества, и ряд статей, вышедших отдельными изданиями или напечатанных в местных журналах.

К настоящему времени секцией подготовлены к печати новые работы, относящиеся к истории, экономике и быту Владимирского края. Правление общества предполагало все эти работы выпустить одним изданием, но впоследствии от этой мысли пришлось отказаться, т. к. такое издание явилось бы и громоздким и дорогим. Решено было выпустить вместо этого несколько сборников, об'единенных общностью темы, или освещающих один вопрос с разных точек зрения. Настоящий сборник и является первым таким опытом.

Собранные в сборнике материалы отражают несколько отдельных моментов из истории крепостного права и крестьянских движений на территории бывшей Владимирской губернии в XVIII веке. Из всех этих работ только статья Н. Воронина была в 1925 году помещена в журнале „Агитатор-Пропагандист", но перепечатка ее в сборнике оправдывается тем, что она подверглась некоторой переработке и значительным дополнениям. Остальные статьи в печати появляются впервые.

Следующие исторические сборники Владимирского окружного научного краеведческого общества, об'единенные общим заглавием, Из прошлого Владимирского края", будут посвящены экономике и археологии.

Январь 1930 года.

Правление Владимирского окружного научного краеведческого общества.

Н. Воронин.

Крестьянское движение в XVIII столетии во Владимирском крае.

В настоящее время мы обладаем очень небольшим запасом опубликованных документов и дел, относящихся к истории крестьянского движения во Владимирском крае в XVIII веке.

В общих сводных работах по крестьянскому движению в целом Владимирский край или совсем не освещается, или рисуется самыми общими тонами. В виду такого положения, каждый новый документ освещает уголок пока еще неясного революционного прошлого крестьянства нашего района. Тот материал, который лег в основу настоящей работы, является только первой частью, введением к общей истории крестьянских бунтов.

Относительный процент дел по крестьянскому движению к общей массе не высок. Так, архив Владимирской провинциальной канцелярии на 2000 дел имеет всего 3 дела. Наиболее богат материалом фонд Юрьевской провинциальной канцелярии, несмотря на свой небольшой об'ем.

В рамки настоящей работы входит Владимирская губерния за период 1725-1800 г. Слабее всего очерчены в материалах Судогодская, Гороховецкая и Ковровская округи.

Так как крестьянское движение этого периода во Владимирской губ. идет в ногу с обще-русским движением, то разработка ранее напечатанных и вновь найденных материалов произведена на основе выводов и положений, установленных историей крестьянства. Поэтому, каждому моменту движения в пределах нашего края предпосылается характеристика социально-экономических условий и состояния движения в обще-русском масштабе. Таким образом, местный материал, не теряя своего местного интереса и значения, входит в русло истории крестьянского движения в России в XVIII столетии.

Основной причиной крестьянских волнений было несоответствие роста производительных сил с формами землевладения и землепользования; и в том и в другом случае несоответствие было вызвано ростом капитализма и потреб-

ностями его дальнейшего развития, неукладывавшегося в правовые рамки крепостных отношений. Это несоответствие порождало экономический гнет и превращало крестьянскую бедность в полную беспросветную нищету. Кроме этого гнета, был и другой гнет личной зависимости от помещика [1]). Этот гнет к началу XVIII в. был уже в значительной степени нестерпим, почему мы видим (особенно с момента введения подушных податей) стремление крестьянства как бы то ни было освободиться из-под власти помещиков. При Петре I крестьянство стремится использовать указ о волонтерстве крестьян в Петровскую армию; крестьянин меняет условия крепостного быта на условия быта военного; скоро этот указ, как невыгодный помещикам, был отменен. Затем распространяются слухи об указе, коим, якобы, велено принимать „всякого чина людей в вольное казачество", отчего открывается повальное бегство на Дон и в Южные степи. Это, видимо, рефлекс революционной практики Разиновщины и Булавинского мятежа, освященный, что характерно для движения XVIII в., верой в улучшение участи сверху, почему стремление к воле санкционируется хотя и легендарным указом. Эта психологическая черта крестьянских движений, что все заветнейшие мечтания крестьянства освящались в его глазах авторитетом высшей власти, пройдет через весь XVIII в. Основой этой слепой веры в „царя батюшку" было еще неокрепшее классовое сознание крестьянства, и последнее, естественно, думало опереться на существующую власть [2]).

От невыносимых условий жизни бегут крестьяне и на заводы, или к более богатому помещику, где, казалось, легче жить, но попадают в худшее рабство. Произвол помещиков принудил Петра I указом ограничить их власть, вплоть до удаления от владения бессмысленно жестоких помещиков, как их называет Петр—„дураков"; но указ оставался указом и на практике крестьян не охранял. При Петре и его преемниках, до Елизаветы, мы наблюдаем относительное затишье и крестьянское движение проявляется отдельными вспышками—спорадически. В крестьянских массах накапливается та энергия и гнев, которые выльются с 50-х годов в хронических волнениях и отметят вторую половину XVIII века знаком русской жакерии.

От второй четверти XVIII столетия мы имеем волнения 1730 года монастырских крестьян Никитского Переславского монастыря [3]). Волнуются 10 селений. В донесении архиман-

---

[1]) Коц Е.—Крестьянское движение в России, стр. 6 и след.

[2] Там-же.

[3]) А. В. Смирнов.—Материалы для истории Владимирской губ. В. IV. Влад., 1906 стр. 1, 2, 5—11.

дрита синоду говорится, что дьячок Черногаев „прельстил" крестьян к ослушанию, но из другого дела [1]) мы видим, что не „обольстительная" агитация этого дьячка привела монастырские вотчины в непослушание, а несправедливые грабительские поборы самого архимандрита Андрея Первухова. Вот выдержки из „реестра о непостоянстве и обидах архимандрита Андрея Первухова, что он чинил в бытность свою в обители": „он же, архимандрит, брал взятки: в д. Криушкиной 2 п. меда, в с. Лучинском 2 п. меда и голову сахара, в с. Фалалееве (за скудностью меда не дали) бил 26 человек крестьян нагих батожьем—один умер; в д. Ягреневе 1 п. меду" и т. д. „Своим вымыслом собрал с выти по барану—50 петровских баранов, а прежде собиралось деньгами малое число". При поездках требовал двоечных лошадей, чем „отягощал" крестьян; двоечную же лошадь требовал, чтобы отвести матери „китайского гуся". Расстратив казенные деньги, понуждал сотских и десятских подписать ложное обвинение в растрате житенного под'ячего, а за отказ „саморучно" бил сотского д. Ягренево по щекам, и, „положа на сани, велел бить в два кнута". „При поездках по вытям бил крестьян батожьем". „Несправедливо забирал в рекруты, а подававших челобитные бил.батожьем".

Мы больше не приведем ни одного пункта этого скорбного крестьянского мартиролога, однако и взятые выдержки дают достаточную картину положения монастырских крепостных и отношений к ним помещиков—церковнослужителей. Ход волнения переславских крестьян из дела не ясен,; известно только, что архимандрит, прослышав про крестьянскую жалобу, бежал и об его сыске была учинена обычная с барабанным боем публикация. Нашелся он или нет, из дела также не видно.

Такая же вспышка крестьянского недовольства имела место в ноябре 1743 г. в приписном к Покровскому, что на Нерли, монастырю селе Новом [2]). Крестьяне отказали в даче монастырю продуктов и „наглостью своею заявили", что „в послушании у игумена быть не хотят"; чтобы нанести окончательный удар запасам монастыря, крестьяне сожгли хлебный овин в с. Новом, принадлежавший монастырю.

В 1742 г. волновались крестьяне приписного к Боголюбовскому монастырю с. Суромны. Они отказались выполнять монастырские работы, поставлять лошадей и проч., чем вызвали челобитную на них крестьян села Доброго, коим пришлось, во время возмущения Суромнских крестьян, нести тяжесть двойных повинностей [3]).

[1]) Смирнов, стр. 5—11.
[2]) Дело Влад. пров. канц. № 495.
[3]) Дело Влад. пров. канц. № 2098.

Недовольство Боголюбовских крестьян подогревалось тем, что с 1722 г. по монастырю производились каждогодно большие строительные работы, которые требовали активного участия крепостных. Благодаря этому, волнения здесь имели хроническую форму. По свидетельству архим Инокентия (1751 г.) „от крестьян работ и поставки чрез лет, по сказанию, с 60 не бывало и того через много лет непоставкою и всегдашним упрямством монастырю привели монастырь в всеконечное раззорение и скудость“. Архимандрит ссылается на грамоты, хранящиеся в монастыре, по которым „велено вотчинных Боголюбова монастыря крестьян, плутов и мошенников, за их проступки и противности и за ложное челобитье, наказывать, с‘ем рубахи, бить батоги вместо кнута“.

В 1742 г. крестьяне, ворвавшись в монастырь, „били дубьем игумена Михаила с братией“.

В 1751 г. повторили те же „озорничества“. Каждый взрыв недовольства заканчивался битьем плетьми преступников. Одной из причин недовольства были также несправедливые поборы и бесчинства упомянутого архимандрита Михаила; дело по расследованию его беззаконий дошло до синода.

16 июля 1750 г. в Муромской воеводской канцелярии бил челом староста вотчины Борисоглебского монастыря д. Татарова, что крестьяне отказались платить оброк и выполнять монастырские работы. Как выясняется из допроса, поводом к отказу было обложение сверх оброка барщиной. По разборе дела арестованные крестьяне были выпущены [1]).

В 1762 г. отписные Муромского собора деревни Новошино и Малышево волновались в связи с возникшим делом о принадлежности их к соборной вотчине. Решение в пользу собора было об‘явлено деревням через приказного Баскакова, крестьяне же „паче надеясь на свои прежние озорнические поступки и непослушания, о которых как в прав. сенате, так и в св. синоде и прочих присутственных местах известно, не только чтобы во исполнение предписанного именного указа должное послушание имели, но и сверх того по обыкновенному своему озорничеству с жалованных того собора лугов сено свозят в домы свои и тем причиняют совершеннейшее раззорение“. Вследствие прекращения подвоза оскудела соборная казна и начался падеж скота. Челобитная называет „главных заводчиков и пущих предводителей“ старосту д. Новошина Д. Андреева, „прежнего возмутителя Иванова“ и 9 крестьян. Местными средствами волнение сломить не удалось и дело перешло в сенат [2]).

[1]) Дело Муромской Воеводской канцелярии, № 70.
[2]) Тоже, № 121.

Такого же рода „непослушание“ имело место в вотчине Борисоглебского Муромского монастыря в 1762 г. Крестьяне д. Степаньково, Барановки, Сашина завладели монастырской землей и засеяли ее своими семенами; монастырские работы не выполнялись, а для управления был взят мещанин Добродеев, который, якобы, „подстрекал крестьян к пущему отложению“. Дав отпор двум посланцам канцелярии, крестьяне вели себя вызывающе и грозили снять покос в 1763 г. весь себе.

Причиной волнения был слух об указе, коим монастырские вотчины отходят в коллегию экономии, когда же появился указ, подтверждающий право монастыря на владение,—работы опять исполнялись крестьянами. Когда по окончании их крестьяне требовали квитанций, архимандрит и казначей не дали, а взамен того били просивших палками. Добродеев же был взят для письма 3-ей ревизии. Высочайшим указом, тем не менее, было повелено главных возмутителей при собрании „сечь плетьми нещадно“, а убытки взыскать[1]).

Тот же указ о переходе монастырских вотчин в коллегию экономии поднял крестьян Муромского Спасского монастыря (в 1762 г.). С этого времени монастырские работы не выполнялись, а в мае 63 года крестьяне с-ца Орлова, „собравшись многолюдством“, напали на монастырь и увели всех сторожей. Монастырские земли были засеяны крестьянами и продукты, собираемые с разных угодий, шли в пользу крестьян. Муромская канцелярия принуждена была обратиться в коллегию экономии. В поданном туда доношении указываются главные зачинщики: староста с. Орлова Ф. Иванов и 9 крестьян; крестьяне д. Зарослова—3 ч.; выборный д. Столбищ Игнатьев с крестьянами; выборный д. Михалева Ильин и 2 кр.; выборный с-ца Михайлова Болотин с крестьянами; 4 крестьянина деревень Обрамовой и Выползовой. Коллегия экономии приказала забрать ослушников к допросу и приказать: возвратить завладенные угодья и „собранные воровски припасы“, а также уплатить рублевый сбор. Из допроса выясняется, что крестьяне после указа об обратном прикреплении к монастырю исполняли „со всяким подобострастием“ монастырскую работу. Со стороны же наместника архимандрита—казначея Сильвестра—чинились им большие обиды: он понуждал их подписывать ложные расписки, а при отказе сек плетьми нещадно, денег за работы не платил. По расследовании была по деревням произведена экзекуция зачинщиков; забранные в канцелярию крестьяне дали подписку в послушании. Тем не менее, в это время

[1]) Архив Мур. Воев. канц., № 121.

староста с. Орлова и Болотников ушли по крестьянским делам в Москву [1]).

В 1764 г. были поданы в Муромскую канцелярию сведения о недоборах с крестьян, были они взысканы или нет— не ясно [2]). После указа 1764 г. о секуляризации группа бывш. вотчинных крестьян отписалась в муромское купечество [3]).

О таком же отказе от монастырских работ говорит челобитная игумена Гороховского Никольского монастыря. Крестьяне д. Бедихи приходили на монастырский двор, бранили и бесчестили игумена „великим криком" и сказали, что слушать его не хотят. Каков результат этого волнения, за деформированностью дела неизвестно [4]).

Характерно, что мы имеем бунты именно монастырских крестьян, т. к. они и составляют главный процент движений за эту пору. Положение монастырских рабов было хуже, чем положение помещичьих крестьян, и, по замечанию историка крестьянского движения, все они до секуляризации находились в восстании. Нужно оговориться, что в нашем распоряжении имелись архивы только гражданского ведомства, судить же о восстаниях монастырских крестьян можно только по фондам духовных учреждений (напр. консистории), и этот вопрос может стать темой особой работы. Разобранные же дела Владимирской канцелярии являются как бы случайно попавшими в руки учреждения гражданского.

При черновом разборе материалов попалось дело, касающееся неповиновения крестьян Боголюбова монастыря в 1683 г. Хотя в хронологические рамки этой работы и не входит XVII в., но в виду большой редкости материалов по движению этой поры и для большей полноты характеристики особого положения монастырских крепостных, привести его будет нелишним [5]).

Уже в 1682 году вотчинные крестьяне Боголюбова монастыря били челом Владимирскому воеводе Наумову, что они исстари косят и пашут монастырскую жеребьевую землю, а игумен того монастыря, Никон, наложил сверх монастырской работы „на пятьдесят вытей по рублю с выти", и „от тех де прибавочных податей они, крестьяне, оскудели". По этой челобитной была послана грамота игумену с братией, чтоб они не чинили крестьянам работ сверх прежних. Игумен ответил обвинением, что „оные плуты челобитье написали ложно", чему последовал царский указ об обложении этих

[1]) Муром воев. канц., дела № 119, 121, 126.

[2]) Муром. воев. канц., д. № 128.

[3]) Муром. воев. канц., д. № 131.

[4]) Горох. воев. канц., д. № 20 1763 г.

[5]) Дело относится к связке бумаг и книг утраченного архива Боголюбова монастыря.

„плутов“ не в пример остальным, а также об очной ставке челобитчиков с игуменом. Бунтовщики же „это ни во что поставили“ и на очную ставку не явились. Зачинщиком возмущения называется „плут, мятежник и раззоритель“ Ивашка Бусыга.

По этому делу крестьяне села Ославского дали показание, что Ивашка, проживающий по мирскому приговору в Москве, чинящий на игумена „ябидничества и улики“, явился в мае месяце в село и, созвав их, поднимал итти на монастырский двор к казначею и «взять те вытные деньги 50 рублев»; а еще говорил, что „ныне на Москве замятия великая идет и боярские дома разоряют“. Крестьяне отказались от грабежа казны, а Ивашка, опять ушедший в Москву, на притязания игумена отвечал, что „ходит в Москве с заручной челобитной за мирскими делами“.

Последовавший затем царский указ повелевает, что если крестьяне „не запрутся“ и признают монастырские работы, а свое челобитье ложным, то „того вора Ивашку Бусыгу и Якушку Быкова с товарищи“ при игумене с братией за их воровство наказать—„бить батогами нещадно, сняв рубахи, вместо кнута“, чтоб, глядя на них, „иным неповадно было воровать“, а также прочесть государев указ, чтоб „не было впредь спору и челобитья“.

Таким образом, мы видим, что еще с 80-х годов XVII века в массе вотчинных монастырских крестьян подготовлялось движение и их положение было тяжким еще при первых Романовых. Характерным в деле является указание на „крестьянское оскудение“—следствие монастырских чрезвычайных работ. Это оскудение и пролетаризация крестьянства, о чем для иных слоев крепостных мы заметим значительно позже, для монастырских владений началось ранее, и, в виду его бесцельности и невыгодности для государства, вызвало указ 1764 г. о секуляризации.

Видимо, не только эти довольно мирные движения монастырских крестьян имели место во второй четверти XVIII в. На это косвенным образом указывает следующий факт [1]: помещица Садыкова, желая посчитаться с соседним помещиком Беречинским из-за дворовой девки, доносит на его крестьян в Юрьевскую канцелярию о разорении и ограблении ее дома. Вот как в ее челобитной рисуется это крестьянское бесчинство.

„Крестьяне помещика Беречинского, скопом и сговором собрався, незнамо сколькими людьми, всего человек со сто и больше, с огненным оружием, с рогатины и с дубьем, с ножами и топорами, на лошадях верхами и в телегах и

[1]) Дело Юрьевской пров. канц. № 4, 1750 г., июнь.

пешими, приехав и пришед (в сельцо ее, Новоселку), воровски в дом помещиков ворвались и воровски и разбойнически на помещичьих хоромах кровлю разломали и желобья разбросали", и „отломав сени, у горниц двери и крюки выломали и скобы выбили", „и взошед в хоромы меня, именованную, всякой скверной бранью браня, изорвали у рубахи на мне рукава и вынули из ушей серьги серебряные с алыми камнями, с шеи сняли перло жемчужное, да с руки золотой перстень с изумрудом зеленым, и кричали бить и резать до смерти". Едва Садыкова успела скрыться в людских избах, как начался грабеж—хрусталь, серебро, платья, выездные лошади—все было забрано и увезено „неведомо куда". Дворовые люди были „смертно биты и рогатины колоты".

Дело по челобитной Садыковой тянулось чрезвычайно долго, страдает многими туманностями и неясностью; видимо, обе стороны желали или скорее ликвидировать дело, или запутать. Но реальность картины, набросанной так ярко пером приказного канцеляриста, заставляет думать, что подобные прорывы гнева помещичьих крестьян неоднократно имели место в этот период. Мелкие столкновения между помещиком и крепостными отмечаются нашими материалами не раз.

Так, 25 ноября 1737 г. крестьяне д. Ивановской, не желая подчиняться своему новому помещику Дирину, собрались на двор его дома и ругали его и жену и, кроме того, грозились убить их. Вышедшего к ним помещика крестьяне уволокли на задний двор и „повалив на землю били и топтали". Поводом к волнению была неотдача дворовой девки замуж, а взятие ее к себе „для услуг" [1]).

В 1739 г. в феврале месяце вышли из повиновения крестьяне сельца Звенцова помещицы Блудовой; они отказались от барских повинностей и работ и были приведены в повиновение через суд [2]).

Таким образом, мы видим, что первую половину XVIII в. крестьянское движение еще слабо развито, оно наиболее ярко выражено в среде монастырских крестьян, и прекращается после секуляризации, если не считать частичного их участия в пугачевщине. Волнения же помещичьих крестьян находятся в стадии первоначального развития, они разрозненны, немногочисленны и мелки.

Объяснение этому нам дает беглый взгляд на экономику страны в данный период.

Существенной чертой хозяйственного быта XVIII в. является окончательное разложение натурального хозяйства под напором зарождающегося хозяйства капиталистического,

---

[1]) Дело Владим. пров. канц. № 2012.

[2]) Дело Владим. пров. канц. № 2012.

денежного. Медленность этого процесса в начале XVIII в. еще не так остро обнажала несоответствие между производительными силами и формами земельных отношений, и, следовательно, крепостное право еще могло напряженно приспособляться к новому методу хозяйствования без болезненных революционных прорывов. Совершенно иную картину мы наблюдаем с 50-х годов. Социально-экономическая политика Елизаветинского и Екатерининского царствований и рост заграничной торговли произвели сильный сдвиг. Спрос на русское сырье и продукты русской промышленности возрос. Возникающие фабрики и заводы, главным образом, сосредоточиваются в районе Москвы; край с развивающейся индустрией уже не может довольствоваться своим хлебом и становится рынком для сбыта хлеба черноземной полосы. Земледелие, не поглощавшее всей рабочей силы, отходило на второй план, а избыток рабочих рук использовался на работе в промыслах. Барщина заменяется оброком и крестьяне идут на отхожие промыслы; оброчные крестьяне составляют в половине XVIII в. от 55 до 85 проц. всего крепостного населения средней России. Оброк растет по мере расширения фабричного производства, часто не совпадая с ростом оплаты труда на фабрике; это отчасти искупалось тем, что иногда помещик, получая оброк, не был заинтересован в запашке и отдавал угодья целиком под пашню крестьянам. В черноземной же полосе, наоборот, развилась барщина, в виду почти исключительно земледельческого значения этого района.

Размеры барщины также росли, и кроме нее крестьянин нес иногда натуральный сбор. Труд на фабрике был страшно тяжел и вознаграждался слабо, или вовсе не вознаграждался. А повинности—и в виде оброка, и в виде барщины—увеличивались, следуя за все ширящейся жаждой помещиков к роскоши, внедрившейся в их быт. Крестьянство нищало, шел процесс окончательного перехода крепостного права в рабовладение, и крестьяне совершенно не имели гражданских прав к царствованию Екатерины. Кроме того, и личная жизнь крепостного была в руках помещика. Чудовищные злоупотребления этих последних доходят до легендарных случаев.

Вторая половина XVIII в. в истории крестьянского движения открывается бунтами приписных к фабрикам и заводам крестьян. Вспыхивают крупные волнения на заводах Демидова, Шувалова и друг. „Разорения и мучительства"— последствия приписки к заводам, были причиной отчаянного сопротивления приписке крестьян; они идут на верную гибель, лишь бы не попасть в лапы заводчика. Раздача казенных заводов с приписными к ним государственными

крестьянами в руки влиятельных вельмож еще более усилила крестьянский протест, т. к. для государственных крестьян, находившихся в сравнительно лучших условиях, приписка к заводам была страшным злом. По словам одного современника, „оные хищники (речь идет о заводчиках) ни о чем ином не помышляют, как о своем прибытке и алчно пожирают крестьянское имущество“. Плата на заводах не покрывала расходов, запускались недоимки, взыскивавшиеся при помощи батогов, и крестьянство нищало. Слова современника вскрывают не случайную особенность дворянской фабрики. „Пожирание крестьянского имущества“ сознательный ход. Разорение хозяйства фабричного крестьянина было в интересах фабриканта, т. к. в производстве был нужен безземельный пролетарий, которого можно беззастенчиво эксплоатировать. Поэтому, вопреки указу, к фабрикам приписывались богатые деревни и волости, отстоящие за 400—500 верст. Сложный процесс пролетаризации производился откровенным путем—сгона крестьян в рабочую пору на фабрику. На это крестьянство отвечает не менее откровенной оппозицией.

Так, в марте 1765 года возмутились крестьяне с. Батыева, Суздальского у., купленные мануфактуристом Колосовым к его московской шелковой мануфактуре [1]). Он обращался к Московской губ. канцелярии о приведении в послушание крестьян Батыева дважды, но провинциальная суздальская администрация, по некоторым личным счетам с мануфактуристом, тормозила исполнение указов. Две роты Азовского полка, отправленные для усмирения, не исполнили заданий власти и вернулись ни с чем. В мае была отправлена другая команда с теми же инструкциями—„драк не чинить, брать под караул пристойным образом и увещевать, что видно они (крестьяне) указы истязания забывают“, что вышли из послушания. Из следствия по этому делу выяснилось, что главными зачинщиками и подстрекателями бунта были „поп Андрей Гаврилов, да староста с. Тарбаева Прокофий Максимов“, их в силу указа отрешили от должности.

В виду продолжающегося волнения и неуспехов воинских команд, 21 июня направляется из Владимира отряд из местного гарнизона под командой поручика Саблина. Он рапортует, что нашел только рогатины и прочее оружие и несколько крестьян, укрывавшихся в овинах и гумнах; арестованные были заперты в избу. В этот момент „неведомо откуда“ явились укрывавшиеся бунтовщики и с „набатным боем, дубьем, топорьем, с вилами и великими обнаженными ножами“ отбили у команды оружие и требовали выдачи

[1]) Дело Владим. пров. канц. № 1428, 1765 г.

поверенных фабриканта—приказчиков Титова и Токарева. Их нашли, вытащили за волосы и начали „штыками и рогатинами колоть, обухами, дубинами и кольями бить и доколоть хотели и на мелкие куски изрезать". „А напоследок об'явили, что в послушание к Колосову идти не хотят". Приказом обер-коменданта в Батыево направляется 28 июля 100 человек солдат. На этом делопроизводство кончается.

Здесь характерно указание, что в числе главных зачинщиков был „поп Андрей Гаврилов". Участие сельского духовенства будет особенно типично для бунтов Павловского времени. Сельский клир того времени вообще играет видную роль в истории крестьянского движения; священник пишет недовольным челобитье, ведет бунтующих к присяге в единомыслии, присутствует на тайных сходах и т. д. Это не покажется странным, т. к. в XVIII в. сельский священник был, по выражению одного помещика, „мужик—только грамотный" и над ним в значительной мере тяготела помещикова нагайка. Он еще не шел рука об руку с угнетателем и охотно примыкал к движению. В виду сильного участия духовенства в волнениях, Вологодский архиерей составил окружное послание, приглашая сельский клир не только „не принимать ни малейшего с ними участия, но вразумлять их, что обязаны они повиноваться владыкам своим не токмо кротким и благим, но и строптивым"[1]).

Безусловно, бунтовавшие крестьяне с. Батыева были силой оружия приведены „в должное рабское послушание господину своему" и бунт был ликвидирован, как другие подобные, но более крупные, бунты фабрично-заводских крестьян. Но протест, штыком загнанный внутрь, прорывался при каждом удобном случае, и крестьяне даже принимают участие в помещичьих междуусобицах, идут со своим барином грабить соседние поместья. Так мы видим помещика Юрьевской округи Отяева, поистине рыцаря больших дорог, отправляющегося походом на угодья Нелединского-Мелецкого, при чем крестьянские рогатины и топоры работают довольно добросовестно[2]). Дел такого типа дает большое количество фонд Юрьевской провинциальной канцелярии[3]). На первый взгляд они относятся к истории быта, но, при более внимательном и вдумчивом отношении и разборе, видишь, что здесь крепостные участвуют не только как слепые орудия в руках барина, но что здесь, в сознательно творимом преступлении, есть разрядка накипевшего

---

[1]) Подтверждение этого положения местным материалом можно найти в труде Н. В. Малицкого „История Переславской епархии". Труды Влад. Уч. Арх. ком., т. XIII и XVIII.

[2]) Дела Юрьев. пров. канц. №№ 158, 171, 180, 189, 211.

[3]) Дела Юрьев. пров. канц. №№ 98, 145, 147, 155 и друг.

протеста. Екатерина, в одной из своих записок, говорит, что „несчастному классу (речь идет о крепостных) нельзя разбить свои цепи без преступления“, и действительно, крестьяне в погоне за тенью свободы, за минутную жизнь вне каторжных законов своего бесправия идут за помещиком, как и в самостоятельном непослушании, и дают волю мужицкому оружию. Эта черта еще не отмечена историей крестьянского движения, но, безусловно, несмотря на свой может быть несколько гипотетический характер, заслуживает внимания. Вряд ли здесь мы имеем „покорность безответных скотов, которая простирается дальше всякого вероятия, как и зверство их властелинов“, — как говорит в своих записках современный помещик Винский.

Для иллюстрации этого положения, приведу дело, хотя и относящееся к 1774 г., т. е. к концу пугачевщины, но имеющее все характерные черты аналогичных крестьянских движений разбираемой поры. Дело о так называемом „Калачевском бунте“ занимает два делопроизводства Юрьевской провинциальной канцелярии [1]) и одно Владимирской пров. канц. [2]), всего около 400 листов витиеватой скорописи. Один интерес к делу со стороны властей говорит, что здесь мы имеем не только барские раздоры, куда власти не любили вмешиваться, но нечто большее. Бунт продолжался два года—1774 и 1775, ход его таков [3]). В 1774 г. помещице Куприяновой досталось после продолжительной тяжбы сельцо Вески, ранее принадлежавшее Калачовым. 3 января новая помещица приезжает в Вески и останавливается в крестьянской избе. Но ко двору собрались крестьяне человек 30 „с дубьем и рогатины“ и „нача ее дворовых людей бить смертно“, помещичий возок угнали и „похвалялись избу сжечь вместе с барыней“. Приехавший в это время Калачов распоряжается посадить Куприянову в возок и отвезти в свое сельцо Алексино; его дворовые, „весьма пьяные“, не довольствуясь дебошем в Весках, „начали в возке и стекла бить, и буйствовать“ и ограбили возок. Отправленный 17 января по ее челобитной в Вески капрал Клешиков рапортовал, что „все дворы пусты и скарбу никакого нет“. Из допроса пойманного на торгу крестьянина из числа бунтовщиков выясняется, что перед приездом Куприяновой приезжал Калачов, собрал сход и приказал не подчиняться в случае приезда посланцев канцелярии. К приезду Куприяновой крестьяне были значительно взволнованы и учинили нападение на нее. В конце показаний интересная мысль: „а в том де сельце Весках, показанной помещицы нашей,

[1]) №№ 262, 263.

[2]) № 1592.

[3]) Дело № 262 излагается полностью.

мужа ее капитана Михайла Григорьева называли разбойником и бранили: того-ж сельца крестьянин П. Иванов, да бранила-ж пригожая жонка Матрена Кузьмина дочь". Во вторичной челобитной Куприянов указывает, что главным возмутителем и укрывателем его крестьян является Калачов и „оный Калачов всех бунтовщиков принял на свой барский двор в Алексине".

Отправленный для взятия к допросу людей капрал Шамаев никого не смог взять, т. к. помещик отправился в Москву, и капрал доставил только старосту и выборного с. Яворова, лежавшего по соседству с Весками. Эти показали, что сейчас „сельцо Веску всю снегом замело и никого в ней нет", и „что в житницах—неизвестно". Опись Весок, составленная канцеляристом Черновым, сообщает нам следующие данные о движимом и недвижимом Весок: „двадцать три двора, житниц двадцать пять, семь сенниц, хлеба аржаного два оденья, два сруба, четыре бани, четырнадцать овинов, а по близости той деревни по обоим сторонам по два стога сена". Третий и четвертый раз возвращается командированный в Вески канцелярией солдат с безнадежным рапортом, что „никого означенный Калачов взять не дал".

После описанного нападения на помещицу Куприянову, Калачов присылал приказ, чтобы все Весчане „со всеми пожитки" на господский двор перебрались. Часть крестьян разместилась в надворных людских избах, часть из-за тесноты пошла побираться по соседним селениям. Калачов в это время подает безуспешные апелляции в Вотчинную коллегию о пересмотре дела; Куприянов просит о скорейшей ликвидации неповиновения, скрепляя свои челобитные ссылкой на соответствующие пункты „указов истязания". По высочайшему указу отправленный в Вески Клепиков сообщил о прежнем упорстве Калачовых и возмутившихся крестьян, и, кроме того, добавил, что часть Весчан работает на фабрике Гендрикова в с. Подольце. В ответ на челобитные Куприянова, в Вески послана охрана из двух инвалидов для присмотра за оставленным крестьянским скарбом. А немного времени спустя, 15 мая, вооруженная партия бежавших крестьян увозит свои пожитки. После этого Юрьевская канцелярия отказывается от борьбы и доносит об этом Московскому губернатору. Приказ последнего об аресте Калачова или его людей также не действует, т. к. приказчик Гендрикова не допустил взять дворовых за отсутствием Калачовых. Другой посланец с тем же указом также не мог ничего добиться.

Таково содержание первого делопроизводства, другие два дают нам такие сведения.

Неповиновение крестьян с. Весок продолжается, принимая все более и более широкие размеры и интенсивный характер. Воинская команда, посланная по распоряжению Остермана, терпит ряд неудач. Люди с. Весок уже в отсутствие Калачовых в количестве „не меньше 400 человек с рогатины и ружьями“, покосив в угодьях Куприяновой хлеб, выгнали команду из сельца, солдаты „от такого многолюдства и страха едва могли уйти“. Мы видим здесь, как поднятые Калачовым вначале из личных интересов крестьяне уже без него продолжают, как бы по инерции, свое непослушание. Движение не только не ослабевает, но и ширится. 22 июля крестьяне ночью напали на помещичий дом в Весках и увезли все имущество Куприяновой. Не случайно указание в предыдущем деле, что Куприянова Весчане бранили разбойником. Недовольство крестьян своим жестоким новым господином, вызванное Калачовым к действию, катилось, ширясь, как снежный ком. Неоднократно посылаются к Калачовым указы—выдать бунтующих крестьян и явиться к суду за разорение, нанесенное Куприянову, но они окопались в своей вотчине, никого к суду не дали и сами не явились. Дело, попав в 1775 г. во Владимирскую канцелярию, не пошло дальше публикации в газетах о сыске Калачова и скрывшихся Весчан.

В этом довольно однобразном полубытовом, полуреволюционном материале мы отметим интересный момент — появление в именьи Калачовой приказчика фабр. Гендрикова и указание, что он, главным образом, и чинил отпор правительственным посланцам, и что крестьяне Весок работали на этой фабрике в с. Подольце. Вмешательство фабриканта, более неуязвимого, чем помещик, оградило крестьян от правительственных репрессий, которые, понятно, были не на руку Гендрикову. Затем, здесь перед нами в нескольких строках описи канцеляриста Чернова—картина уже в достаточной степени пролетаризированных Весок, зимой занесенных до конька снегом, имущество обитателей которой состоит в „25 житницах, 7 сенницах“... и т. д. И, наконец, мы имеем случай, когда крестьяне играют в руку фабриканта, чтобы отделаться от нежеланного разбойника-помещика Куприянова.

Крестьянское неповиновение такого же типа мы имеем в деле Юрьевской канцелярии 1758 г. [1]). Крестьяне помещицы Стромиловой, сельца Чурилова, подговоренные соседней помещицей Красненской, отложились от Стромиловой и отказались выполнять господские работы. Из допроса пойманных „ослушников“ видно, что при появлении воинской

[1]) Дело Юрьев. пров. канц. № 60. 1758 г.

команды крестьяне Чурилова укрылись со своими пожитками в надворных строениях поместья Красненской, а часть укрылась в д. Беляихе помещика Обухова.

Несколько иной мотив движения помещичьих крестьян дает непослушание крестьян пом. Маковой [1]). Посланные помещицей в с. Никольское для присмотра за работами дворовые, по исполнении своего дела, потребовали у старосты лошадей. Он в ответ заявил, что „мы, де, крестьяне государевы и помещице своей подчиняться не будем". Посланный канцелярией для взятия к суду крестьян служитель взял только нескольких людей, „остальных староста не дал и грозился руки и ноги переломать". Поводом к отложению был слух, что с. Никольское „отписано за государя". Справку наводить отправились в Петербург два крестьянина. Посланный вторично для взятия „бунтовщиков" солдат возвратился, взяв троих, „остальных крестьяне не дали" и „многолюдством собрався в набат били и грозились дубьем и рогатинами". Видя, что посланцы из Питера не возвращаются, крестьяне разбежались по соседним деревням, о чем Макова доносила в канцелярию 3 сентября. Только в ноябре, выгнанные морозами из своих тайников, вернулись беглецы к помещице и были обязаны распиской в повиновении. Надежда на указ, желание стать „государевыми", т. е. перейти в казну, выйдя из-под помещичьей плети, выбор из двух зол меньшей—характерные черты, сквозящие здесь.

В 1766 г. отказались от платежа оброка деревни Першино и Мошок помещицы Иевлевой. Большинство крестьян покинули свои дома и скрывались в округе. На жалобу помещицы был послан сержант Артемьев с командой, который и забрал виновных в канцелярию. О сыске беглых были взяты расписки с сотских окружных деревень. Забранные крестьяне по наказании плетьми были возвращены Иевлевой [2]).

Последнее известное нам за период 1750-1775 г. г. волнение охватило в 1774 г. маленькую деревеньку Кирсаниху [3]), в которой по последней ревизии числилось 63 души обоего пола. Крестьяне выходят из повиновения своему помещику и отказываются платить подати; помещик их Ошанин упоминается в делах 1797 г. и, несколько забегая вперед, можно сказать, что крестьяне рисуют его словами—„жить у него трудно и тягостно", а известно, что значило на скрытном мужицком языке подобная характеристика. С большой вероятностью—тягостью жизни под его властью мы можем объяснить вспышку волнения 1774 г.

---

[1]) Дело Юрьев. пров. канц. № 55. 1758 г.

[2]) Дело Муромск. воев. канц. № 146.

[3]) Дело Юрьевск. провинц. канц. № 205.

Вот все, что мы знаем о крестьянском движении за время 1750-75 г. Десятилетие 60-70 г. г. в материалах— пробел.

В этот период два факта особенно подогреют и наэлектризуют и без того уж напряженную массу помещичьего крестьянства. Это — секуляризация церковных владений в 1764 г. и указ о необязательности службы для дворян. Сойдя в низы, эти указы возбудили массу слухов и надежд на близкую волю и для господских рабов: но Петр III разъяснил, что эти упования не основательны. Опять начинается острая полоса бунтов, которые особенно усиливаются в 67-68 годах, когда работает Екатерининская комиссия,—где мы не видим крестьянства,—и оно особенно усиленно прибегает к „преступлению“, путем усиленного открытого непослушания заявляет о своих насущнейших желаниях и невыносимых условиях своего положения. С 1770 по 1773 г. наступает тишина, т. к. появляются слухи о близком освободительном указе: крестьянство ждет воли с высоты царского трона, но совсем с другой стороны, из низов — раздается клич вольного казака Емельяна Пугачева.

Материалы архивов Владимирской провинции молчат о движениях в связи с подготовкой и развитием пугачевщины. Центром бунта был юго-восток Европейской России, где родились причины и корни этой, по выражению историка, „великой трагедии русского народа“, общий же ход ее прошел мимо нашего района.

Пугачевщина началась как чисто казацкое движение, но затем очень быстро в нее вовлеклись горнозаводские крестьяне, мастеровые, помещичьи крепостные и „инородцы“. Все эти элементы, вошедшие в сложную массу пугачевского войска, были в достаточной степени подготовлены правительственной политикой к восстанию. Яицкие казаки были недовольны стремлением правительства ликвидировать казацкое самоуправление. Башкиры и другие „инородцы“ были разорены захватничеством вельможных колонизаторов, а экзекуция за восстание в 1735 и 1754 годах, когда было выбито более половины их, была очень еще свежа в памяти. Горнозаводские крестьяне отвечали на увеличение барщины, помещичьи крестьяне искали выход из своего невыносимого положения.

Чтобы увлечь за собой крестьянство, Пугачев волей-неволей должен был одеть личину царя, т. к. царь являлся идеалом политических воззрений крестьянства этой поры. Пугачев принимает имя Петра III, которое уже стало легендарным, по причине появления ряда самозванцев того же имени еще до Пугачева Пугачев не был вождем, его мало интересовала принципиальная сторона его действий, он ж

сам считал себя только „удачливым атаманом“. Тем не менее, знамя восстания им было поднято лишь после того, как он ознакомился с настроениями крестьянства и казацких кругов. Его манифесты, с одной стороны, обещали крестьянам волю и такие социальные мероприятия, которые обращали Россию в казацкий круг, что и было мечтой крепостных масс; с другой стороны, Пугачев об'являл беспощадное истребление дворянам, что опять-таки соответствовало ожесточенному состоянию крестьянства. Боевую часть пугачевской армии составляли казаки и горнозаводские крестьяне, ее же питательную среду составляло помещичье крестьянство. Пугачевым была даже введена планомерная воинская повинность. Особо сильный размах приняла пугачевщина в Казанской губ., где крепостное право свило себе наиболее прочное гнездо. За время мятежа, по подсчету усмирителя —Панина, было казнено восставшими 753 помещика, а с женами и детьми —1752 ч. Восстание, охватив Поволжье, отозвалось волнениями и в Центральной России. Но Пугачев, не будучи идейным вождем восставших масс, —человеком „великого духа“, устрашенный грандиозным размером движения, бежал в Южные степи сначала за Дон, а потом за Волгу. Крестьянство, восставшее по пути его бегства, оставалось позади вождя. После бегства Пугачева, движение распалось на ряд бунтовских шаек, предводительствуемых мелкими „пугачами“, что не дало замереть движению сразу же после казни Емельяна. Жесточайшие экзекуции, предпринятые Паниным в отношении бунтовавших районов, надолго оставили след в памяти крестьян. Крайним пунктом, до которого докатилась волна восстания, был Нижний и Арзамас, оттуда уже началось отступление.

Этот последний акт Пугачевщины имел отголоски и во Владимирском крае. Материалом архива Юрьевской провинции [1]) закреплена история дворянской обороны, той паники, которая охватила при приближении Пугачевской орды наше провинциальное дворянство.

25 июля в Юрьевскую канцелярию Владимирская канцелярия сообщает, что Гороховец находится под угрозой „вражеского нашествия“, что неприятель стоит в 120 в. от Н.-Новгорода в городе Курмыше, что Нижний спешно укрепляется; а Гороховец, отстоя менее чем в 100 в. от Нижнего, не имея воинских припасов, укреплений и гарнизона, может быстро сломиться под напором бунтовщиков. В Гороховецком уезде проживает только 6 ч. дворян, но на них расчет слаб, т. к., по выражению промемории, „с них вряд только вспоможение в срок получить“. О помощи в вофу-

[1]) Дело Юрьевской прав. канц. № 83, 1774 г.

жении Гороховец просил Остермана. Юрьевская канцелярия, получив настоящую промеморию, приказала: 1) донести Остерману, что Юрьев в смысле военной обороны еще слабее Гороховца: ни припасов воинских, ни укреплений нет и весь гарнизон состоит из штабной роты, и просить подкрепления: 2) дать знать промемориями соседним городам: Ростову, Суздалю, Переславлю о надвигающейся опасности; 3) приказать помещикам или их приказчикам и вотчиноправителям, чтобы на случай нечаянного вторжения неприятеля все крестьяне имели „огненное и другое оружие, яко то ружья, копья или рогатины, а в случае неимения оного завостренные шесты и колья"; учредить тотчас же конные раз'езды и караулы: 4) людей, явившихся без паспортов, „почитать за шпионов посланных от неприятеля",—ловить и под крепким караулом доставлять в канцелярию, „а буде явятся такие злодеи, которые через письма или словесно простых людей от верности, коей они ее императорскому величеству обязаны, отважаться отклонять, об оных разведывать, и, ежели об'явятся, ловить и под крепким караулом в канцелярию препровождать"; 5) собраться всем дворянам и именитым купцам к воеводе Макарову и предложить им организовать „из усердия ее величеству сами собой вспоможение"; 6) „а по польцам больших проезжих дорог сделать рогатки крепкие и хорошие, иметь их денно и нощно затворенными, быть при них крепкому караулу; всем проезжим чинить допрос, а переулки малые завалить наглухо или ямами перекопать. Юрьевским купцам об'явить, чтобы приготовили немалое число людей и с'естных припасов.

26 июля брат известного нам по Калачевскому бунту Куприянова, С. Куприянов, подает в канцелярию письмо такого содержания: „повергаю себя к стопам ее имп. величества и со всеусерднейшим моим восторгом представляю себя со всем своим имуществом к защищению ее имп. величества высочайшего здравия, к соблюдению престола российского и всего общества тишины и спокойствия"... Всеподданнейший раб—такой то.

До сих пор все инструкции и промемории, рассмотренные нами, базировались на слухах из г. Гороховца. Имя Пугачева не упоминалось, делался только намек. Феодальные поместья укреплялись и готовились к чему то, большие дороги щетинились рогатками и заставами на встречу какому то неведомому и страшному неприятелю. Разрозненное барство сплачивалось, инстинктивно чуя опасность.

27 июля в промемории Владим. пров. канцелярии впервые произнесено имя самозванца Пугачева. Муромский воевода доносил, что „злодейская толпа уж в город Арзамас взошла". В Муроме удерживались все воинские люди, т. к.

он (Муром) отстоял в 120 верстах от Арзамаса. Прочим городам велено „иметь осторожность к сыску воров“.

Юрьев, получив настоящую промеморию, немедля организует кустарным путем ополчение: посылается нарочный по всем помещичьим, дворцовым, экономическим и описным селам и деревням с инструкцией о сборе пороха и приказом о даче молодых людей по 8 ч. с сотни. Собранному таким образом ополчению, в коем, по приблизительному расчету Юрьевской канцелярии, должно было быть 2000 с небольшим человек, приказано расположиться под городом и на луговых местах, понаделать шалашей вместо палаток. Для выучки корпус должен был быть разбит на несколько отрядов, во главе их поставлены помещики—быв. военные, а в роли нижнего комсостава были солдаты, или, в случае их недостатка, люди из обывателей. Над всем же ополчением команда предназначалась выборному от дворян. На случай осадных окопных работ импровизированное войско было снабжено лопатами, кирками и проч. инструментами. Пропитание солдат получал из того места, откуда прибыл [1]). Указом из V департамента приказано было: 1) о всех сведениях и слухах о Пугачеве сообщать; 2) озаботиться, в случае чего, вывозом казны и 3) „на случай есть ли б то от бегущего и укрывающегося, то отчаянно бросающегося злодея“ оказалась опасность—советоваться сообща с дворянскими предводителями, и чтоб дворяне сами организовались в добровольные отряды, „чем оказали б отечеству знаменитую услугу“.

По слушании настоящего указа о Пугачеве, который казался перепуганному дворянству каким-то апокалипсическим зверем, отчаянно бросающимся, Юрьевская канцелярия между прочим постановила: 1) имеющиеся у дворян в поместьях домашние пушки, „годные к действию“, собрать и прислать при „умелых к обращению людях“; 2) Юрьевскому купечеству предложить составить конный корпус, и, вооружив имеющимся оружием, отдать под команду г-ну Куприянову, который, как мы видели, в минуту опасности, сломя голову, бросился „к стопам императрицы“.

Все эти быстрые и храбрые шаги Юрьевского воеводы Макарова, по части писания просмотренных нами указов, которыми, казалось, поднята грандиозная оборона, в значительной степени разбились о реальные данные, которые выявились на совещании 30 июля с дворянскими представителями. Эти последние, присутствовавшие в количестве только 13 человек, об'явили, что они мелкопоместные и из их дворовых людей не наберешь большого войска. Помещики

[1]) Здесь в деле пропуск—отсутствует 12-13 листы, нет указа из V департамента.

же крупные жительство имеют по военной или штатской службе в иных больших городах, и „пусть де Юрьевская канцелярия не полагает, что без разрешения помещиков приказчики выдадут требуемых ополченцев“. По справке канцелярии, по последней ревизии состав населения по государственным повинностям распределялся так:

Кроме разночинцев и купечества, живущих в городе:

1. В вотчинах коллегии экономии	7002	души.
2. Дворцовых	41	„
3. Ведомства канц. конфискации и отписных за долги по банковым конторам и выморочным	120	„
4. Ведомства Моск. городового магистрата за долги по партикулярным векселям . .	502	„
5. За разными помещиками	19419	„
Всего	27084	души.

При сборе с 100 ч. по 1 ч. составится отряд в 270 ч.

Живущее в столице Юрьевское дворянство через Остермана было предупреждено о постановленном рекрутировании ополчения. Сбор этого, уже маленького, войска был произведен, и те рекруты, которые явились „в полном снаряде“, были поставлены на казенный кошт, не вооруженные были оставлены на своем довольствии. На запрос дворян об огнестрельном оружии и порохе канцелярия ответила, что имеется сделанных 500 рогатин, и, в случае максимальной опасности, при сборе отряда в 2000 человек, „в скорости 1500 рогатин сделаны будут“ местными кузнецами. Временно купечеством был организован конный раз‘езд из 10 человек для разведок в окрестностях.

28 июля получается указ из Сената, коим об‘является прощение раскаявшимся пугачевцам, но чтобы они являлись к ген. Бибикову или Потемкину в пределах Казанской, Оренбургской и Симбирской губерний, „а ежели отставшие люди явятся в иных местах, то на таковых всемилостивейшее прощение простираться уже не может“.

Положение вещей становится весьма неспокойным, отовсюду летят вести, что нет нигде Пугачева, а Юрьевская область в боевой готовности ждет только повода, чтобы показать свою верность воле императрицы.

Еще до дворянского совещания и указа Сената, сержант Тимофей Чупров об‘явил 26 июля, что 24 числа видел проезжавших по городу Юрьеву и останавливавшихся для закупки провианта неизвестных людей 10 ч., были они одеты в серые шубы и кафтаны, у некоторых были сабли; спрашивали, кто теперь в Юрьеве воеводой, а напоследок об‘-

явили, что едут от государя Петра Федоровича и что он жив, и уехали по Московскому тракту. Видимо, имя скрытого и опять появившегося Петра производило магическое действие,—Чупров, несмотря на строжайшее военное положение и „всякую предосторожность к сыску воров", не смел два дня сказать об этом. Он так и заявляет, что он „того же времени сказать не смел". Тотчас же погнали нарочные по всем дорогам, ведущим с Юрьева на Москву, по Стромынке, по Александровскому тракту и по глухим проселкам в погоню за пугачевскими эмиссарами. Караулы были удвоены. Чупров, закованный „в железа", сел в холодную. Допрос харчевников, у которых останавливались проезжие пугачевцы, дал почти те же сведения, что и Чупров, здесь только отрицалось упоминание имени государя Петра Федоровича.

В тот же день был получен указ, которым предписывается в виду опасности, угрожающей Мурому, слать туда по первому требованию войска и воинские припасы. Вокруг Мурома уничтожались все перевозы на Оке и все лодки были затоплены в глубоких местах. Из Москвы туда была отправлена достаточная воинская команда под началом ген. майора Торба. К Нижнему же был отправлен из конторы артиллерии и фортификации поручик Бунин, коему велено чинить всяческое содействие. Владимиру велено крепить изгороди и находиться в готовности.

Затем следует неожиданно быстрый спад опасности. 17 августа из Лухова сообщают, что „толпа" отходит. А указ Сената закрепляет последний отголосок Пугачевщины: там говорится, что Пугачев угнан в степи, но власти должны быть осторожны, т. к. есть возможность появления другого самозванца Пугачева.

Мы видим, что Пугачевское движение в нашем крае не имело иных последствий, кроме того, что перепуганное заревами далеких пожаров барство готовилось к обороне; что, в сущности, до нас докатилась уже ослабевавшая волна революционного прибоя.

Полоса реакции, наступившая после Панинского террора, захватывает период приблизительно в 20 лет. За это время по России мы имеем около 20 случайных крестьянских волнений, разрозненных по характеру. Фонды Владимирской провинции дают только два непослушания, относящиеся к этому периоду. Но это не значит, что причины волнений были устранены, наоборот, экономический гнет, как следствие развития торгового капитализма, все крепче и крепче затягивал петлю на шее крестьянина. Барщина непомерно увеличивалась, были уже крестьяне, работавшие все время на помещика и лишенные своего участка. Оброк

с Екатерининского максимума в 5 рублей возрос к Павловскому времени до 7-15 рублей, доходя местами до 30-35 рублей. Особенно же тяжким было положение приписных к фабрикам и заводам крепостных. К концу века мы наблюдаем сильный прогресс дворянской индустрии. Фабрика стала обычным явлением; а заведение производства в поместье влекло для крестьянина ряд принудительных работ на фабрику, помимо работ по своему хозяйству, почему процесс пролетаризации и обнищания деревни ускорялся. Результатом был под'ем новой полосы крестьянских бунтов.

В 96-97 годах размах их напомнил недавнюю Пугачевщину. Внешним поводом было воцарение Павла и ряд его манифестов, которые, казалось, давали некоторую надежду на изменение положения.

Одним из них Павел призывал к присяге крестьян в числе остальных сословий, чем как бы давал им некоторые права гражданства, чего крепостные были лишены в Екатерининское и Елизаветинское царствования. Другим разрешалась подача жалоб неколлективного свойства на имя государя, что опять-таки обнадеживало крестьян и отменяло Екатерининский закон, запрещавший под страхом кнута и каторги челобитье на помещика. Поток жалоб, полившийся в ящик для прошений, говорил Павлу об одном и том же невыносимом положении крестьянства, его часто благожелательные резолюции сводились на-нет местными властями, которые держали сторону помещиков — потому доносы оказывались ложными, а челобитчики наказывались. Кроме этого жалобного потока, протест выявлялся в многочисленных побегах крестьян, принявших массовый характер, а главным образом в отказе от господских работ, часто сопровождавшемся убийством помещика. Такого рода указы Павла возбудили слухи, что помещиками скрыт подлинный указ о воле—факт, повторяющийся почти на всем протяжении истории крестьянских движений. Они также были поводом к тому, что крестьянское непослушание часто имело лозунгом—„отреши нас за себя, государь" — т. е. желание перехода в казну, а государственным крестьянам жилось, нужно сказать, тоже не очень сладко.

Особо широкий размах имело движение в Орловской губ. в вотчинах Голицына и Апраксиной, которое подавлено было военным путем. Погибшие во время усмирения крестьяне были зарыты в особую яму, над которой красовалась надпись: „здесь лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнем и мечем по закону божию и государеву".

Бог, царь и помещик — характерная для роялистских убеждений Павла триада, вскрывающая, как нельзя более

ярко, его крепостнические настроения. Указ же о трехдневной барщине, несколько успокоивший крестьян, вовсе не характерен для законодательства Павла в этой области и интересен только как первая попытка правительственного вмешательства в крепостнические отношения. Этот указ на практике не имел особого значения: его, в силу туманной редакции, можно было вполне обойти.

Все отмеченные социально-экономические и политические факты данного времени имеют свое отражение и в крестьянском движении нашего края. Этот период почти исключительно разработан по материалам, напечатанным А. В. Селивановым. Вновь найденный материал фиксирует два волнения. В марте 1794 года „вышли из послушания крестьяне с. Мануйлова пом. Хотяинцова, Покровской округи, они выгнали помещичьих людей, посланных по хозяйственным надобностям, и заявили, что быть за помещиком не хотят. В той же челобитной Хотяинцова говорится, что в неповиновении принимали участие крестьяне с. Бажанова.

Другое крестьянское непослушание имело место в Ковровском уезде. Это волнение носит характер Калачевского бунта—крестьяне по приказанию пом. Козлова напали на „барыню Болотникову" и захватили пашню, на которой работали Болотниковские крестьяне. Кроме этих двух маленьких свидетельств о крестьянском движении с Пугачевщины и до 1797 года мы не имеем данных.

Отголоском крестьянского протеста на приписку к помещичьей фабрике является волнение крестьян помещика Соленникова в Александровском уезде. Причиной его было недовольство, „что господин их отягощает фабричною работой и от того отягощения они в летнее время от хлебопашества своего лишаются и хлеб жатвою и посевом исправляют не во-время, от чего они пришли в разорение". Соленниковские дворовые волновались от нищенской оплаты труда на фабрике, а именно: „на каждого человека с семейством по 7 рублей в год, ржи по 3, да овса по 1 четверику в месяц". От того они „пришли почти в разорение". Уповая на царскую волю, послали жалобу на имя государя, чтоб помещик не отягощал их работой на своих трех фабриках. Довольно продолжительное волнение было подавлено военным порядком.

В волнении фабричных крестьян Соленникова, единственном известном за последнюю четверть XVIII ст. в нашем крае, ясно выразилось и влияние фабрики на крестьянское хозяйство и его „разорение", а также в деле указана оплата труда на фабрике.

На почве этих взаимоотношений между деревней и фабрикой мы не знаем волнений, но имеем довольно об-

ширный и длительный бунт крестьян заводчика Гончарова, села Мугреева с деревнями (Вязниковской округи), которые по своему положению, не являясь ни фабричными, ни помещичьими в чистом виде, представляют нечто среднее между теми и другими. Из дела мы видим, что Гончаровские заводы находятся в Калужской губ., Мугреевские крестьяне находятся под угрозой приписки: так, во время непослушания приказчик грозится „половину запороть, а 600 на заводы сослать". Взрыв же крестьянского недовольства вызвали чудовищные поступки приказчика, незнавшего границ своему произволу. Ход этого волнения, мелкие и крупные штрихи быта заставляют изложить дело подробно, в виду их большого интереса.

Вернувшийся с поездки на заводы Мугреевский приказчик столкнулся с собравшейся у господского дома толпой крестьян, которые, схватив его, посадили в железах в холодную, „приковав на большую цепь". По приказу губернского правления принуждены были его выпустить к господину его, который „на такой нечаянный дерзкий поступок" очень удивился и полагал, что это исключительно с целью „отбыть от послушания". Опасаясь разграбления дома и господской казны, служитель Гончарова, доносивший о случившемся, просил канцелярию привести крестьян в повиновение. Губернатор рекомендовал исправнику: 1) об'явить крестьянам верящее письмо их господина, 2) истолковать указ от 27 января, что если не повинятся, „будут ослушниками не только установленному начальству, но и манифесту, и не останутся без должного наказания, а сверх того и разорительность понесут"; 3) в случае неповиновения исправнику, заодно с предводителем дворянства исследовать причины; 4) зачинщиков отослать в усмирительный дом. Рапортом исправника и предводителя сообщается, что, по об'явлении письма и манифеста, крестьяне сказали, что чинят все господские работы, а своего выборного старосту сменить не дали. На попытку арестовать зачинщиков крестьяне единогласно закричали „с великой грубостью и отважностью", что не дадут никого из своих собратий, что „и умереть все готовы". Исправник заметил приготовления к набату, и, видя, что с „престарелой командой" не устоять, пошел опять на увещевания, „но,—заключает он,—кроме большого числа команды смирить их ничем невозможно". Крестьяне послали прошение к государю, где доносили на помещикова приказчика „в наказании и отяготительных работах сверх меры человечества". Исправник, по исследовании, не нашел преувеличенных несправедливостей, и, что характерно и важно, заключил, что „изо всех обстоятельств наиболее приметно буйство, желание учиниться свободными и последование

в вольнодумстве другим, оказавшим уже в прочих губерниях и уездах подобные сему поступки". На этот рапорт губернатор отправляет 200 ч. солдат с 2 пушками под командой поруч. Стромилова; секретным ордером велено употреблять силу оружия только „в самой неизбежной крайности". Во время этих распоряжений подана губернатору просьба от крестьян Мугреева, что к ним „неведомо за что" прислали исправника, они де бунт не делают, а послали к царю жалобу на приказчика; исправник же их стращал, что „крови их напьется и от девяти—десятого кнутом пересечет"; никаких отговорок исправник не принимал. Не принял и губернатор крестьянского прошения, а назвал его „хитросплетением на исправника", арестовал посланных и узнал, что это прошение писано священником Мугреевской церкви Львом. Обнаружились и другие причастные к жалобе лица: ее писали и переписывали казенной палаты регистраторы П. Лебергецкий и Иван Жернаков, за что первый был отослан „в дальние сибирские полки", а второй „уволен без аттестата".

Причины недовольства встают перед нами из „доказательств всего мира на приказчика Ивана Михеева в непорядках его". Здесь ярко вырисовывается фигура приказчика, не знающего пределов своему изуверству в далекой вотчине. Приводится длинный синодик его жертв, засеченных и искалеченных за малейший простунок; он собственноручно засекает женщин, противящихся его насилию, и опять списки калек и т. д. и т. д.—на протяжении 18 пунктов тянется этот мрачный реестр „доказательств".

За это время Мугреево с деревнями жило, управляясь сходом, своей недолгой свободной жизнью. Мы имеем в деле копии с мирских приговоров: 1) сход 27 января постановил отправить на приказчика жалобу императору Павлу Петровичу, а приказчика не слушать, и, если он, воротясь с заводов, начнет опять дворовых бить и увечить, сковать его до следующего схода без всякой боязни. Крестьянина Василия Андросова „за противные речи миру"—сковать. Разрешалось венчать полюбовно браки. Назначались на места удаленных служителей выборные. К данному приговору приложил руку свящ. с. Ламны; 2) сход 13 апреля приговорил, в виду сильного недостатка в продуктах, взять заимообразно из господских амбаров припасов. Скрепил свящ. с. Мугреева; 3) сход 25 мая выбрал посланцов в Питер и иные места с доношениями. Скрепил свящ. с. Мугреева.

Также сохранились копии прошений государю, но они нам ничего нового не дают. Об'явление старосты с. Мугреева от 20 апреля сотскому того же села подтверждает слышанную нами жалобу, что исправник, приехав, сек крестьян

плетьми и чинил „крайние наглости и обиды", а не следовал политичным указам и ордерам губернатора.

Письма ходока в Питер, Василия Иванова, сообщают Мугреевским крестьянам, что прошение подано 18 февраля, и что вышли манифесты о трехдневной барщине и праздниках.

Предводитель дворянства Булыгин 10 июня рапортовал, что при появлении отряда крестьяне сразу смирились и подписка взята была без кровопролития. По расследованию оказалось, что главными зачинщиками были—староста дер. Клестовой Гашин, 7 ч. крестьян и священники, которые присутствовали на тайных сходах, потворствовали крестьянам и поддерживали их в „несбыточных надеждах".

Показания, отобранные от крестьян и подписанные священником И. Андреевым и крест. Сафоновым, своим слогом и чисто легендарными сбивчивыми указаниями заставляют думать, что автором их был никто иной, как Булыгин, и под страхом пушек крестьяне не возражали. Аресты и кары носили сравнительно мягкий характер; дело передано было в уездный суд и после долгой волокиты отослано в I деп. суда и расправы.

Архив Владимирского Наместнического правления дополняет наши сведения о конце этого дела. Приговор палаты суда и расправы, подтвержденный губернатором Руничем, гласит: „крестьянина В. Гашина за подачу недозволенной его императорскому величеству просьбы, по силе указа 1767 г., августа 22 дня, наказав в селе Мугрееве кнутом десятью ударами, сослать в Нерчинск в вечную работу с зачетом помещику его за рекрута"; „крестьян И. Григорьева и И. Лукьянова, наказав в том же селе плетьми, отдать в вотчину"; „священников же с. Мугреева И. Максимова, Андрея Васильева, И. Андреева, с. Малой Ламны Петра Михайлова и села Мугреева—Спасского Льва Федорова наказать строгим и долговременным церковным покаянием".

В исполнении приговора сохранилось описание внешности центрального лица этого волнения Гашина: „он, Гашин, оказался ростом 2 арш. 5 верш., волосом рус, глаза серые, лицом малоряб, нос кокореват, ус пускается, от роду ему 24 года"[1]).

Особенно интересно в этом волнении то, что оно носит несколько более организованный характер, по сравнению с большинством разрозненных бунтов нашего края. В самом начале отложения, с момента свержения деспота—приказчика и местной администрации, взбунтовавшиеся

---

[1]) Дело Владимирского Наместнического правления, № 718, 1797 г.

деревни управляются сходом, между сходами правит выборный крест. Гашин. Мирские приговоры рисуют нам еще робкую попытку крестьянского самоуправления, его первоначальные мероприятия и отношения к членам общины, неидущим в ногу с миром („за противные речи миру В. Андросова—сковать"). Сплоченность характеризует это волнение и в отпоре правительственным репрессиям: „кроме большого числа команды смирить их ничем невозможно". Видимо, „наказания и отяготительные работы сверх меры человечества" спаяли воедино кровью крестьян.

Теперь коснемся положения помещичьих крестьян в нашем крае и анализируем формы, в которые вылился крестьянский протест. Волнения помещичьих крестьян наиболее выражены в материалах—по ним имеется 10 дел. Все они напечатаны в „Описи архива Влад. губернатора XVIII в.", весь материал довольно однообразный. Исключение представляют два дела: 1) о бунте Соленниковских крестьян, 2) о Мугреевском бунте. Всего в 1797 г. волнуется приблизительно 99 селений. В виду такого широкого количественного об'ема и довольно большого материала, не касаясь в отдельности каждого волнения, постараемся суммировать данные, нарисовать общую картину причин и следствий.

Сначала—экономическое состояние крепостных. Предоставляю слово самим крепостным, как они описывают свое положение: „оброку платим по 8 руб., всякую работу обрабатываем, которая не менее как в 15 р. должна состоять, при поставке рекрут собирает (помещица) 600 рублей, а рекрута мы же ставим, от сего пришли в крайнее разорение и убожество, жить трудно и тягостно". Следователь Лазарев свидетельствует о 15-рублевом оброке. Таким образом мы видим, что денежный оброк возрос до 15 рублей и выше, что можно предположить из заключения Лазарева, который констатирует „положение крестьян—самое среднее", следовательно, 15-рублевый оброк средний. Помимо и наряду с оброчным сбором мы встречаемся и с натуральными повинностями—натуральным оброком. „Мужеска пола души" уплачивают трудом или сельско-хозяйственными продуктами, женщины и дети также обложены сбором: „с жен и детей, по неимению у них угодий, хотя покупкою, собирает (пом-ца) ягоды малины и черники по 2 ф., холста самого тонкого по 10 ар., по две тальки пряжи—жены их исполняют по нужде, убояся побой"; „с бабы холста по 20 ар., а не холстом, так пряжей по 10 талек, а маленьких ребят заставляют перья щипать";—таких цитат можно привести еще много, но и этого достаточно.

Особенно же разрушительными для крестьянского хозяйства, как выясняется из наших материалов, явились

практиковавшиеся в неограниченно-широком масштабе „господские работы",— барщина. „Отягощены работою",— наиболее частый мотив жалоб; „налагает со излишеством" тягости, и в работе мучит"; „замучены господской работой". Эти господские работы, „за коими крестьяне для своих домашних продовольствий по малому посеву, безвременной уборке своего хлеба, многие совсем пропитания лишились", отчего некоторые, „оставя свои тягла, взошли в бобыли, „пришли в крайнее разорение и убожество", „сыскивают пропитание мирскими подаяниями".

Вот характер экономического положения крестьян под тройным ярмом повинностей - денежных, натуральных и трудовых. В некоторых поместьях все три применяются вместе. Отсюда—неизбежное оскудение, пролетаризация, мирские захребетники, бобыли, что отмечается всеми жалобами без исключения. Произвол помещика также доходит до высшей точки развития, усугубляя экономический гнет и распространяясь в область семейных отношений крестьянина. Так, помещица Титова переводит крестьян из деревни в деревню, с лишением движимого в пользу ее имущества. Помещик Константинов отбирает у крестьян „последнее строение с уграживанием побоями", продает крестьянских детей, „безвинно наказывает плетьми до кровавых ран немилостивно". Та же Титова облагает крестьянскую свадьбу сбором в 10—15 рублей и т. д.

Вот такие факты, коим несть числа, заставили крепостного „явно открыть свое возмечтание, ища себе свободы" и отметили 1797 год полосой многочисленных крестьянских бунтов. Для всех их характерен их „жалобный" мотив. Челобитье государю стало настолько широко практиковаться, что Владимирский губернатор был принужден издать приказ (IV-1797 г.), коим воспрещалось чинить отложения от помещиков и „утруждать императорскую особу недельными просьбами", в чем и была от крестьян отобрана подписка. В деле о Мугреевском бунте мелькает известие в доношении губернатора князю Куракину, что с 5 по 10 мая волновалось около 11000 крестьян в пределах губернии. Общий подсчет за 1797 год сделать невозможно, но и одна эта справка дает нам понятие о размерах, которые приняло движение в нашем крае. Наибольшим размером движение отмечается в Юрьевском у., это, нужно думать, об'ясняется тем, что Юрьевский у. исключительно земледельческий и считается „самокормящим", а потому коренные землеробы—Юрьевские крестьяне—особо остро чувствовали разрушение своего хозяйства под усилением господских работ и вторжением фабричного производства, что и проявилось в полосе непослушаний, охвативших Юрьевскую округу гл. обр. в 97 г.;

из общего числа селений, вышедших из повиновения помещику, на Юрьевский у. падает 50 проц. Нужно заметить и то обстоятельство, что имела место некоторая зависимость от смежных уездов и губерний. Так, в уездах, смежных с Юрьевским, мы имеем пограничные гнезда волнений.

Подводя итог всему изложенному, заключаем, что нашего края не коснулись такие крупные движения, как Пугачевщина, отличавшаяся единством, спаянностью, наступательным движением; но атмосфера крепостнических отношений была, тем не менее, насыщена элементами брожения в крестьянстве настолько, что кроме разрозненных вспышек волнений мы наблюдаем целые полосы об'единенных одновременностью крестьянских непослушаний. Все они носят характер скорее оборонительный от присылаемых команд и правительственных репрессий. К движению примыкало недовольное своим полу-крепостным положением духовенство. Красной нитью проходит „упование на высшую власть царя". Порой движение носит характер участия в междоусобных раздорах помещиков—это как бы отдушина для накопившегося внутри крестьянства раздражения. Свободолюбивые устремления крестьянства, пронесенные им через всю безрадостную для него историю, особенно были сродни нашим Юрьевским земледелам. Изучение более детальное и глубокое революционного прошлого нашего Владимирского крестьянина очень интересно и поучительно.

Н. Шаханов.

Владимирская Салтычиха*).

Времена крепостного права, когда крестьянство было в полной экономической и личной зависимости от помещика, уходят уже в далекое прошлое. Теперь уже редко можно встретить в деревне старика-крестьянина, который бы помнил крепостное право, который бы на себе испытал издевательства самодура-помещика, считавшего крестьянина рабом, по отношению к которому все дозволено.

Современное молодое поколение деревни, выращенное уже в новых условиях, получившее от Октябрьской революции полное осуществление вековых чаяний и надежд многомиллионного крестьянства, строящее свою жизнь на коллективных началах,—иногда с недоверием относится к рассказам из времен крепостного права, считая их досужей выдумкой.

А между тем и теперь иногда полезно оглянуться на то, что осталось позади, что было уделом прошлого поколения.

Один эпизод из времен крепостного права, основанный исключительно на оставшихся от того времени документах, мы и расскажем в настоящей статейке**).

Дело было в 1806 году. 1-го ноября к десятскому деревни Назарихи, Вязниковского уезда, Владимирской губернии, Алексею Яковлеву явилась вотчины помещика отставного поручика Ивана Николаевича Полуэктова дворовая девка Анна Алексеева и рассказала следующее.

*) „Салтычихой“ и „людоедкой“ называли помещицу Дарью Николаевну Салтыкову (1730-1801), известную своим жестоким обращением с крестьянами. Из 600 душ принадлежавших ей крестьян она в течение 7 лет забила до смерти 139 человек. Побои крестьянам Салтыкова наносила большею частью сама скалкою, вальком, палкою и поленьями. В 1768 г. за такое бесчеловечное обращение с крестьянами Салтыкова была отдана под суд и приговорена к смертной казни, замененой одиночным заключением.

**) Для настоящей статьи использованы следующие материалы архива канцелярии Владимирского губернатора: 1) 1806 г., дело № 118—„по рапорту Вязниковского земского суда о девочке, умершей от побой госпожи своей помещицы Полуэктовой“; 2) 1808 г., дело № 25—„по представлению палаты уголовного суда о поручице Полуэктовой, причинившей смертные побои шестилетней девочке“.

Утром этого дня к ней в избу пришла жена помещика Анна Ивановна Полуэктова и без всякой причины „стала бесчеловечно бить" как ее, так и ее „незаконнорожденную" дочь Марию, которой было всего только около 6-ти лет. Особенную жестокость помещица проявила по отношению к этой шестилетней девочке, так как подозревала, что она является дочерью помещика Полуэктова, ее мужа, известного в округе своим легкомысленным поведением и пользовавшегося широко своею властью над беззащитными крестьянскими девушками. По рассказу Анны Алексеевой, Полуэктова „заперла горницу" и стала „немилосердно бить палкой девочку". Била до тех пор, пока не перешибла ей левую руку. Затем рассвирепевшая помещица вывела босую и раздетую девочку в сени, связала ей веревкой назади руки и за веревку подвесила к лестнице, после чего ушла гулять на свадьбе у крестьянина Ивана Алексеева.

Все это происходило на глазах у матери девочки, которая только слезами и мольбами могла протестовать против этого зверства помещицы.

По уходе Полуэктовой, Анна Алексеева отвязала девочку от лестницы, внесла в избу и положила на пол. Через два часа девочка умерла.

Узнав о смерти девочки, Полуэктова решила скрыть следы своего преступления. Вызвав дворового человека Герасима Петрова, она приказала ему сделать гробик, а жене его Пелагее Павловой—снарядить и положить девочку в гроб, после чего тайно похоронить. Герасим Петров и Пелагея Павлова от исполнения этих приказаний Полуэктовой отказались, за что последняя стала обоих бить „весьма много" палкой. Пелагею Павлову она била до тех пор, пока не проломила ей голову. „Устрашась, дабы более еще чего с нею не последовало", Павлова убежала в избу к одному соседнему крестьянину, а муж ее Герасим Петров остался и вынужден был заняться приготовлением гробика.

Выслушав этот рассказ Анны Алексеевой, десятский Алексей Яковлев отправился было в ее избу, чтобы убедиться в действительности происшедшего, но Полуэктова, находившаяся там, в избу его не допустила. Пришлось вызвать начальство из уездного города Вязников, чтобы произвести осмотр трупа девочки и начать следствие.

На следующий день в Назариху приехали: дворянский заседатель Оболдуев, штаб-лекарь Зехтин и уездный стряпчий. По осмотре девочки ими был составлен акт, который мы приводим полностью.

„По наружности на оном мертвом теле оказалось: голова в одном месте проломлена, отчего и имелась запекшаяся кровь; на левой руке повыше локтя прошибено тело

по видимости палкой, из которой раны текла кровь, и у той же руки распухла кисть; на обоих руках в изгибах локтей обтерта кожа; спина иссечена до крови, а на прочих частях тела имелись багровые пятна. По вскрытии же оного тела во внутренности никакого повреждения, кроме вышеписанных наружных боевых знаков, не оказалось, от коих ей и смерть приключилась".

После осмотра трупа началось следствие. Анна Алексеева, Герасим Петров и Пелагея Павлова показали то же, что было рассказано уже Алексеевой десятскому Яковлеву. Помещица Полуэктова, понятно, в преступлении не созналась. „Сего 1-го ноября,—показывала она на следствии,—по-утру находящуюся при мне во услужении мужа моего дворовую девку Анну Алексееву, равно и незаконнорожденную дочь ее, находящуюся при ней, имеющую от роду не более шести лет, запершись в горнице ничем не била, и в сени в рубашке и босиком не выводила, и рук ей веревкой назад не вязала, и к лестнице не вешала". Созналась она только в том, что ударила рукой по щеке Герасима Петрова и палкой по голове Пелагею Павлову, но не за то, что оне отказались тайно похоронить умершую от ее побоев девочку, а „за грубости их".

Спрошенные крестьяне деревни Назарихи, во главе со своим выборным, единодушно показали, что „действительно сказанная помещица их Анна Полуэктова находящимся у нее в услужении дворовым людям и бывшей незаконнорожденной малолетней девочке причиняла несносные из своих рук побои, равно также и им".

Устроена была очная ставка Полуэктовой со своими крестьянами, но нового она следствию ничего не дала. Каждая сторона „утвердилась на своих показаниях без всякой перемены и разноречия".

Не доверяя, очевидно, показаниям крестьян помещика Полуэктова, следственные власти произвели „повальный обыск" в окрестных деревнях, принадлежавших другим помещикам. Допрошено было 60 человек сельских старост и крестьян, из которых 45 человек показали, что „оная госпожа Полуэктова нередко замечалась ими в пьянстве, неприличных строгостях с крестьянами мужа ее и в причиняемых дворовым людям побоях", а 15 человек показали, что о поведении Полуэктовой им ничего не известно.

Вязниковский земский суд, куда поступило все следственное дело о Полуэктовой, определил: „хотя госпожа Полуэктова в битии бывшей у нее в услужении незаконнорожденной малолетней девочки Марьи и чинит запирательство, но живущие при ней дворовые—мать той девочки Анна Алексеева, Герасим Петров и жена его Пелагея Павлова

доподлинно сие утверждают, а также и тоя деревни мужа ее и других владельцев крестьяне показывают, что оне и прежде сего многократно от тех дворовых людей о причиняемых тою госпожею Полуэктовою им, равно и той малолетней девочке, побоях слыхали и нередко и сами то видали, и для того означенную госпожу Полуэктову с произведенным об ней подлинным делом отослать к законному рассмотрению и суждению в Вязниковский уездный суд".

Владимирский губернатор И. М. Долгорукий, получив донесение Вязниковского земского суда о происшествии в деревне Назарихе, предписал Вязниковскому земскому исправнику обратить особенное внимание как на имение Полуэктовой, так и на имение ее мужа, „охранить вверенной исправнику властью всех крестьян их от всякого насилия и тиранства".

Вязниковскому уездному суду губернатором предложено было немедленно на основании законов рассмотреть это дело и вынести свое определение.

Несмотря на такое категорическое предложение губернатора, дело Полуэктовой все же тянулось до марта 1808 г. Только 11-го марта этого года Владимирская палата уголовного суда сообщила губернатору, что она рассматривала определение Вязниковского уездного суда и согласилась с его мнением. Мнение это было следующее: „порутчицу Полуэктову за жестокие шестилетней девочке побои, от коих последовала ей скорая смерть, по силе воинских 158 и 163 артикулов и на оные толкований *) и жалованной дворянству грамоты 16 и 15-й статей **), лиша дворянского достоинства сослать на поселение, о чем и представить на благоусмотрение правительствующему сенату".

Палата дальше сообщала губернатору, что Полуэктова находится под присмотром Вязниковской градской полиции.

Губернатор в своем донесении сенату о деле Полуэктовой сообщил, что он считает правильным определение Вязниковского уездного суда и Владимирской палаты уголовного суда, вполне его разделяет и просит утвердить.

Решение сената в делах не сохранилось.

---

*) Соответствующие пункты воинского артикула Петра I гласили:

„Артикул 158. Ежели учинит смертный убой, хотя ненарочно и неволею, чтоб кого убить, или поранить, однакож сочинитель того виновен есть, понеже убийство от того произошло, и тако наказание исполнитца над виновным по делу и состоянию оного, и какую вину в том имеет: или тюрмою, денежным наказанием, шпицрутеном, или сему подобным".

„Артикул 163. Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера, наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за протчих мечем наказать".

**) Соответствующие пункты жалованной грамоты дворянству говорят об освобождении дворян от телесного наказания.

Н. В. Малицкий.

Бытовая картинка из эпохи крепостного права.

Когда в 1911 году справлялся 50-летний юбилей со дня издания манифеста 19 февраля 1861 г., местная наша Владимирская цензура приняла все меры к тому, чтобы в речах и докладах не фигурировало слово рабство. „Рабства у нас не было,—говорили эти ретивые цензоры,—а была только попечительная отеческая заботливость класса, стоящего на более высоком уровне культуры, над классом малосознательным, нуждающимся в опеке". Как этот „передовой" класс действительно относился к крестьянам и что это была за „попечительная опека", это мы знаем из рассказов наших дедов и отцов и из существующей литературы о крепостном праве. К сожалению, литература такого рода по Владимирскому краю чрезвычайно скудна, а между тем и у нас имеется богатый сырой материал в этой области и он все еще ждет своего исследователя.

Главнейшие виды тех издевательств и изуверств, которые практиковали „благородные попечители" в отношении к своим рабам, всем более или менее известны. Это—сечение смертным боем, посыпание иссеченных частей тела солью, сажание на цепь, надевание на шею, так называемой, рогатки с целью лишения жертвы наказания возможности пользоваться сном, морение голодом, уколы иголками и проч. Но мало известна почему-то еще одна форма крепостного издевательства рабовладельца над личностью своих рабов. Это—так называемое „право первой ночи". До сих пор мы смотрели на такое явление, как на пережиток отдаленнейшего средневековья, эпохи феодальных отношений. Но оказывается, что явление это было живуче и в России. В частности, во Владимирской губ. оно имело место назад тому 78 лет, при чем наличие его устанавливается не на основании предания, рассказов, которым мы можем до некоторой степени и не доверять, как переживаниям чисто суб'ективного свойства, а на основании документальных данных, сохранившихся в наших исторических архивах.

В июле месяце 1852 года фабричный крестьянин Воковского хрустального завода (вотчины с. Озябликова, Судогодского уезда, Елизаветы Небольсин) Фаддей Емельянов подал на имя владимирского губернатора Синельникова жалобу на сына помещицы штаб-ротмистра Мих. Петр. Небольсин. В жалобе Емельянов писал: „штаб-ротмистр М. П. Небольсин, по заведенному им издавна обычаю, достигших шестнадцатилетнего возраста девок прежде выдачи их в замужество заставляет приводить к нему для растления и удовлетворения своих ненасытных страстей. Так точно поступил он с моею дочерью девочкой Дарьей. Узнав, что ей минуло 16 лет, что я намерен выдать ее в замужество и что мнение мое с женою противно его намерению, стал чинить мне всякие притеснения, воспрещал отпуск хлеба, грозил жену высечь розгами, а меня сослать на поселение, но мы переносили все это терпеливо. Тогда он прибег к хитрости".

Хитрость эта, по рассказу Ф. Емельянова, сводилась к следующему.

27 июня, после сговора для отдачи в замужество прежней растленной им девушки, Небольсин прислал к Емельянову посланца с требованием, чтобы дочь его пришла немедленно к нему для получения распоряжений по барщине. Емельянов отказал ему в присылке дочери и сказал, что явится сам. Тогда Небольсин прислал старостиху и нарядчицу с приказанием, чтобы девушка 28 числа рано утром шла одна в лес за ягодами. Когда девушка не соглашалась идти одна, помещик прислал двух крепостных крестьянок, которых, как выразился в прошении Емельянов, „он обольстил своими милостями и деньгами", и те стали звать Дарью в лес для отбывания с ними барской повинности. Дарья, ничего не подозревая, согласилась. Вместе с ними пошли в лес несколько девочек, в том числе дочери местного дьякона и фабричного дворника. Тут же вскоре после них вышел в лес с ружьем, как бы для охоты, и помещик Небольсин. В лесу случилось то, что должно было случиться.... Прикащицы напугали девочек, что собаки Небольсина их загрызут, и девочки разбежались. Сами прикащицы незаметно оставили Дарью одну. Тогда к ней, ничего не подозревавшей, подошел Небольсин, силой удержал ее на месте и „сделал с нею то, что делал,—писал Емельянов,—с прочими девицами до замужества, т. е. лишил ее девства навсегда". „Дочь моя,—писал дальше Емельянов,—явилась в дом свой в каком-то беспамятстве, вся бледная, растрепанная и от испуга в дрожащем виде, и об'явила нам, что помещик Небольсин изнасиловал ее, в удостоверение чего показывала на себе одежды и данные им семь целковых. Я,—пишет

Емельянов,—в тот же день заявил об этом местному священнику и отправился в губернию для принесения жалобы вашему превосходительству".

Небольсин, узнав об уходе Емельянова с фабрики, вызвал из Судогды регистратора Судогодского земского суда некоего Вознесенского, человека в высшей степени подозрительного и корыстолюбивого. „Он,—пишет Емельянов,- сын бедного причетника, в бытность регистратором, приобрел во Владимире два дома". Вознесенский, прибыв на завод, в отсутствие Емельянова произвел следствие, причем Дарью осматривала не акушерка, а какая-то проживавшая на заводе Муромская купчиха.

Изложив все эти обстоятельства, Емельянов просил губернатора приказать произвести законное и строгое расследование.

Таким образом, возникло чрезвычайно неприятное для губернской администрации дело, потушить которое сразу, она, конечно, при всем желании не могла. Затребовали справок о крепостном, осмелившемся выступить против своего помещика. Но почва здесь оказалась шаткою. Уездный предводитель дворянства сообщил, что Емельянов „по разузнанию моему оказался поведения незазорного". Тогда губернатор поручил расследование дела члену городового магистрата и уездному предводителю дворянства и, не довольствуясь этим, прислал еще старшего чиновника особых поручений Желтухина. Небольсин „благородно" негодовал и в частном письме на имя губернского предводителя дворянства с пафосом заявлял, что подобные действия могут возмутить крестьян и довести их до совершенного неповиновения помещику, и я, писал Небольсин, „нахожусь в опасности и в настоящее время должен лишиться всех выгод по заводу и оставить управление на произвол судьбы".

Между тем следствие, при всем уклоне в сторону помещика, дало действительно неблагоприятные для него результаты. Прежде всего, лекарь установил растление Дарьи. Дочери дьякона и дворника показали, что видели барина, который вел за руку Дарью. Следователи всячески изворачивались и крючкотворствовали, но правды скрыть не могли. Крестьянка Елизавета Герасимова имела мужество открыто заявить, что она действительно до замужества была изнасилована помещиком, что подтвердил и ее муж. О приемах следователей можно судить по следующей характерной детали. Освидетельствовано было место преступления. Как факт, ослабляющий обвинение, следственная комиссия выставила то, что хотя место это (на поляне в лесу) явлено было помятым, но крови на нем не оказалось. И это через полтора месяца после происшествия.

Следственное дело в таком виде передано было в земский суд, и там, как и надобно было ожидать, было погребено надолго. Началась длиннейшая волокитная переписка, читая которую, приходишь к заключению, что дело нарочно запутывалось и кем то тормозилось.

В том же году инициатор всего дела крестьянин Фаддей Емельянов умирает. Его жена – Абрамовна, вышедшая в замужество из свободного состояния, со смертью мужа снова становится свободной, а дети ее и в том числе Дарья несут все тяготы барщины. Небольсин постарался теперь излить на осиротевшую семью всю ярость своей мести. От Абрамовны, как свободной, он потребовал удаления со своей вотчины, с тем, чтобы ее семья из семи детей, в числе которой был полугодовой ребенок, а Дарья была самой старшей, осталась на прежнем месте под присмотром Дарьи и несла все обязанности барского труда. Абрамовна, как свободная, долго сопротивлялась, пока наконец один из характерных для крепостной эпохи эпизодов не положил конца ее терпению.

Дело в том, что осиротевшая семья, ненавидимая помещиком, испытывала сильнейшую нужду. У Дарьи, обязанной ходить по нарядам на барские работы, не было нужной для этого одежды, и она по этому случаю несколько раз ответила отказом придти на работу. Тогда Небольсин прислал сотского захватить ее силой. Мать показала сотскому, в каком виде ходит ее дочь, и сказала, что если барину угодно, то она отпустит дочь свою нагою. Помещик озверел и в экипаже направился к дому вдовы, остановился у избы и потребовал к себе Дарью. В доме не оказалось ни матери, ни дочери. Тогда Небольсин сшиб дверь в задней клети и приказал кучеру и сотскому выкидать все, что там было. Когда сотский отказался исполнить это требование, он дал ему по шее два удара, сам лично собрал белье, состоявшее, впрочем, из одних поношенных женских сорочек и одного пестрядинного поношенного платья, отнес все это к пруду на улице и, не дождавшись огня, за которым послал сотского, зажег этот хлам высыпанным из курительной трубки пеплом. Не давши хорошо прогореть разведенному костру, приказал сбросить обгоревшее белье в пруд. Вдова Абрамовна по примеру мужа обжаловала сумасбродный поступок помещика губернатору.

Губернская власть нашла на этот раз неудобным производить открытое расследование, дабы не возбудить волнений среди крестьян, и дала распоряжение произвести разбор дела скрытно. Но и скрытное расследование показало, что все выше изложенное представляет горькую правду. Небольсин обвинил, конечно, во всем вдову Абрамовну.

которая, „зная его вспыльчивый характер и непозволительную в подобные минуты раздражительность, вынудила его сделать то, что в обыкновенном расположении духа он никогда бы не сделал“. Как ни настроены были в пользу помещика следователи, все же такое оправдание, представляющее верх рабовладельческого нахальства, показалось им недостаточным, и они дали ему дружеский совет—помириться с Абрамовной, не изгонять ее из вотчины и не разлучать с семьей...

Но должно быть страдания и издевательства переполнили чашу терпения, вследствие чего Абрамовна согласилась на акт самопожертвования. Семья, связанная узами крепостной зависимости, была оставлена во власти изувера-помещика, а мать пошла искать по белу свету места, где бы на старости преклонить голову. Полугодового ребенка взяли на попечение сердобольные соседи [1]).

Чем окончилось дело в земском суде об изнасиловании Дарьи, из архивов неизвестно. Но даже не справляясь с документами, можно наверно сказать, что оправданием помещика. Об этом можно судить на основании других аналогичных дел, где всегда неизменно проводился один принцип —не надо выявлять подобных преступлений, так как это вредно отражается на настроении крестьян и содействует возникновению в них „мятежного духа“. А такой дух „благородному дворянству“ был особенно не желателен и опасен.

[1]) Архив Владимирских дворянских депутатских собраний. 1852 г., № 1675. Архив канцелярии владимирского губернатора. 1852 г., № 50.

Характерно, что во всех предписаниях о разборе дела и отписках местных властей на предложения высшего начальства дело это квалифицируется, как „начавшееся по извету на помещика Небольсина фабричного мастера имения матери его о изнасиловании будто бы им Небольсиным девки Дарьи“. Несмотря на то, что цитируемое дело канцелярии губернатора является незаконченным, что решение Судогодского земского суда в нем не выявлено, самое дело носит такой же, в известной степени определяющий исход его заголовок: „об изнасиловании будто-бы помещиком Небольсиным крестьянской девки Дарьи Фаддеевой“.

Леонид Богданов.

Страницы из жизни крепостных театров Владимирского края.

Крепостной театр Владимирского края, как, впрочем, и многих других мест, почти не подвергался изучению. Вследствие этого о нем известно очень немногое: отрывочные сведения о театре А. В. Суворова [1]) да появившаяся в самое последнее время статья о театре А. Р. Воронцова [2]).

Между тем, помимо этих театров, во Владимирском крае существовали и другие. И в числе их прежде всего было не мало театров рядовых, принадлежавших не таким магнатам, как Суворов или Воронцов, а помещикам средним и даже мелким.

Об этих театрах мы уже совершенно ничего не знаем. И думается, что не лишней и не безынтересной будет поэтому настоящая статья, проливающая некоторый свет на жизнь именно таких рядовых театров Владимирского края, остававшихся доселе совершенно неизвестными.

В основу статьи положены архивные материалы. Но следует заметить, что они не представляют собою счастливого исключения из вообще крайне скудных данных, сохранившихся о крепостных театрах. Подобно им, материалы наши отрывочны и односторонни. Описать исчерпывающе на основании их те театры, о которых идет здесь речь, нельзя. Можно лишь выявить некоторые эпизоды из их жизни.

Но даже и эти эпизоды представляют большой интерес, как яркие страницы из жизни рядовых крепостных театров эпохи 20-40-х годов XIX столетия, эпохи, когда крепостной театр переживал упадок и превращался из барской забавы в своеобразную доходную статью поместья.

[1]) Находился в его поместье—селе Ундоле, Владимирского уезда. Сведения о театре имеются: **В. И. Семевский.** Крестьяне в царствование Екатерины II-й.—Спб. 1887 г.; **Н. Рыбкин.** Генералиссимус Суворов.—М. 1874, и во многих др. работах.

[2]) **С. Щеглова** Воронцовский крепостной театр.—„Язык и литература“, т. I. Лнгр. 1926, стр. 323-350. Театр Воронцова находился сначала в имении Алабухах, Тамбов. губ., а потом, с 1794 г., в селе Андреевском. Покровского уезда, Владим. губернии.

I.

В 20—40-х годах XIX-го столетия крепостным театром во Владимирской губернии обладал, между прочим, меленковский помещик „отставной гвардии штабс-капитан и кавалер“ Николай Никитич Названов.

Познакомимся вкратце с этим театралом-крепостником, чтобы лучше уяснить себе физиономию принадлежавшего ему театра, на котором, конечно, всецело отражался вкус и характер владельца.

Николай Никитич Названов родился в 1784 году. По дворянскому обычаю того времени, он рано, будучи всего 16 лет, вступил в военную службу подпрапорщиком во Владимирский гарнизонный батальон. В 1801 году он перевелся отсюда в Измайловский гвардейский полк, где затем и протекла вся дальнейшая его служба, сначала в рядовом, а потом в офицерском звании. Служа в гвардии, Названов участвовал в войне с французами и был в боях под Аустерлицем и под Фриндландом. В последнем сражении он был контужен и за проявленную здесь храбрость награжден золотой шпагой. По окончании войны Названов состоял адъютантом при военном министре графе Аракчееве и одновременно с этим исполнял многие другие обязанности. В начале 1812 года Названов вышел в отставку в чине штабс-капитана и уехал на родину. Но в том же году ему опять пришлось вступить на военную службу во Владимирское временное ополчение, созванное по случаю наступления Наполеона, и оттуда выйти только после роспуска его— 1 июня 1814 года. После этого Названов уже прочно осел в родовом своем поместьи—селе Приклоне, расположенном в 2-х верстах от уездного города Меленок, Владимирской губернии.

Помещиком Названов был в общем крупным. Недвижимое имущество его состояло из 735 крепостных душ, из которых 360 душ было родовых и 375 „благоприобретенных“. При этом он представлял собою человека для провинции бывалого, развитого, хорошо усвоившего за время службы в Петербурге барские моды и привычки.

Все эти качества очень ярко отразились на образе жизни Названова и в Приклоне. Поселясь там, он обзавелся излюбленнейшей забавой дворянства того времени—крепостным театром, которым и сам развлекался и, как водилось тогда, тешил соседей—дворян.

Благодаря всему этому, Названов приобрел в меленковском захолустье большую известность и скоро выдвинулся в первые ряды довольно бедного и серого местного дворянства. В 1817 г. оно избрало его в уездные предводи-

тели, каковым он, за небольшим перерывом (1824-1827 г. г.), и состоял по 1834 год. После этого Названов долгое время был совестным судьею[3]).

Обладание крепостным театром давало Названову лестную для него возможность щеголять перед соседями помещиками, пускать им при случае пыль в глаза. В дворянском быту это тогда было модно и даже считалось одним из верных способов поддержания личного достоинства.

Но так продолжалось недолго: времена изменились, и крепостной театр стал Названову не по карману.

Произошло это в начале 20-х годов XIX столетия. В это время, как известно, крепостное дворянское хозяйство вступило в полосу упадка, будучи задето аграрным кризисом, возникшим на почве сокращения за границей спроса главнейших продуктов нашего земледелия. Последнее обстоятельство нанесло страшный удар помещичьему хозяйству, лишив его главной доходности—торговли хлебом. И благосостояние помещиков с этого времени пошатнулось. Одни из них стали разоряться, другие же, наиболее предприимчивые, делать попытки вывести свое хозяйство из кризиса путем повышения его доходности через развитие всякого рода промышленных и коммерческих операций [4]).

В этот момент реорганизации крепостного хозяйства стало уже не до театров: они требовали на свое содержание в общем значительных средств, а их у помещиков теперь уже не было. Поэтому крепостной театр вынужден был или ликвидироваться, или превращаться в доходную статью поместья. И действительно, многие помещики, из сохранивших свои театры, стали промышлять ими: отпускать актеров на оброк, разъезжать со своими труппами по городам и ярмаркам и давать за плату представления [5]).

Так, под влиянием разложения крепостного хозяйства и нарождающегося промышленного капитализма „совершился переход крепостных театров на промышленные публичнотеатральные начала“ [6]).

Аграрный кризис, как явление общерусское, не прошел, конечно, и мимо Названова. Хозяйственные дела его тоже крайне запутались, вследствие чего все имения свои ему пришлось заложить в Московском опекунском совете [7]). И театр, понятно, стал ему уже не по карману. Но, не желая

[3]) Архив канц. Влад. губернатора, 1835 г., дело № 150; 1841 г., дело № 282.

[4]) Подробнее об этом см.: М. Покровский. Русская история, т. VI, изд. „Мир“.

[5]) В. Всеволодский-Гернгросс. История русского театра. Т. I-II. 1928 г.

[6]) Э. Бескин. История русского театра.—М. 1928

[7]) Архив Влад. губ. правления, 1 отд., 2 ст., 1845 г., дело № 666.

расставаться с ним, он последовал примеру других помещиков: стал время от времени раз'езжать со своей труппой по городам и давать за плату представления.

В нашем распоряжении имеются сведения о выступлениях театра Названова во Владимире. Они относятся к 1832 году. В октябре месяце этого года управляющий „театральной конторой" Названова, дворовый человек его Алексей Лабутин обратился к владимирскому губернатору с просьбою разрешить ему открыть во Владимире театральные представления.

Театра во Владимире тогда еще не было, и театральные развлечения, даже случайные, были в нем вообще большой редкостью. Неудивительно поэтому, что губернатор не только охотно удовлетворил просьбу Лабутина, но даже строжайше предписал владимирской городской полиции „оказывать труппе всевозможные вспомоществования, дабы способами, преподанными им от здешнего начальства, можно было приохотить их на будущее время приезжать в г. Владимир" [8]).

В архивном деле сохранился список пьес названовского театра, предложенных к постановке и утвержденных губернатором. Мы приводим его полностью, как любопытный образчик репертуара рядового крепостного театра.

Записка репертуара, какие именно пьесы представлены будут и сколько назначается дать спектаклей в щот абонимента.

Спектакль 1-й. „Любовная почта", комическая опера в одном действии соч. кн. Шаховского. За оною последует „Две записки или без вины виноват", опера-водевиль в одном действии.

Спектакль 2-й. „Удача от неудачи или приключение в жидовской корчме", опера в одном действии. В заключение спектакля г-жа Бажанова будет петь Героическую песнь „На корабли, готовьтесь к бою" с хором, взятую из истории Бобелены, с принадлежащим к оной великолепным спектаклем.

Спектакль 3-й. „Жених или век живи и век учись", комедия в одном действии сочинения Ф. Иванова. За оною последует „Учитель и учение, или в чужом пиру похмелье"—опера-водевиль в одном действии, переведенная с французского А. Писаревым, музыка соч. г. г. Алябьева, Верстовского и Шольца.

Спектакль 4-й. „Великодушие или рекрутской набор", драма в трех действиях, сочинение Н. Ильина. За оною последует „Поцелуй по векселю", комедия-водевиль в одном действии, переведенная Д. Ленским.

Спектакль 5-й. „Доброй малой", комедия в трех действиях, соч. г. Загоскина. За оною последует „Дядя на прокат", комедия-водевиль в одном действии, переведенная с французского А. Писаревым.

Спектакль 6-й. „Капельмейстер или не во время гость хуже татарина", комедия в одном действии. За оною последует еще „Суматоха или на свете все превратно", комедия-водевиль в одном действии, переведенная г. Ленским. В заключение спектакля дан будет дивертисман.

Спектакль 7-й. „Крестьяне или встреча незванных", опера-водевиль в двух действиях, соч. А. Шаховского, музыка, набранная из разных песен.

---

[8]) Архив канц. Влад. губернатора, 1832 г., дело № 87.

В заключение спектакля даны будут разные национальные характерные пляски и танцы.

Спектакль 8 й. „Мельник, колдун, обманщик и сват", комическая опера в трех действиях, соч. Аблесимова. За оною последует „Цыганский табор", интермедия, взятая из оперы „Пан Твардовский", а слова из поэмы А. Пушкина „Цыгане".

Спектакль 9-й. „Роман на большой дороге", комедия в одном действии. За оною последует „Хлопотун или дело мастера боится", опера—водевиль в одном действии, переведенная с французского г. Писаревым. За оною дан будет дивертисман.

Спектакль 10-й. „Игнаша-Дурачок или нечаянное сумасшествие", комедия-водевиль в одном действии, соч. г. Скриба, подражание французского; за оною последует „Квод-Либет или актерской праздник", составленный из лучших танцев и песен в одном действии.

Спектакль 11-й. „Семейство Старичковых или за богом молитва, а за царем служба не пропадает", драма в одном действии, взятая из анекдота, случившегося в счастливое царствование Александра 1-го. За оною последует „Козак стихотворец", анекдотическая опера в одном действии, соч. кн. Шаховского.

Спектакль 12-й. „Новый Бедлам или прогулка в доме сумасшедших", опера-водевиль в одном действии. За оною последует „Садовник или обманутый старик в любви", комической балет в одном действии.

Спектакль 13-й. „Медведь и паша", шутливый водевиль в одном действии, соч. г-на Скриба, переведенный с французского, с принадлежащими к нему хорами, танцами и великолепным спектаклем.

Спектакль 14-й. „Ломоносов или рекрут стихотворец", опера-водевиль в трех действиях, музыка, собрана из разнородных песен, маршей и вальсов, аранжированных для оркестра г. Антонолини. За оною последует „Адольф и Клара", опера в одном действии, музыка соч. г-на Далейрака.

Спектакль 15-й. „Ссора или два соседа", комедия в одном действии, соч. кн. Шаховского. За оною последует „Лучший день в жизни или урок богатым женихам", опера-водевиль в двух действиях, соч. г-на Скриба и Вернера, переведенная с французского.

Не в счет абонимента в пользу г. г. Актеров.

Спектакль 16-й. „Леон или замок Черногорской", большая опера в трех действиях, муз. соч. Далейрака.

Спектакль 17-й „Водовоз или двухдневное приключение", лирическая опера в трех действиях, соч. г. Бульи. муз. г. Херубини.

Спектакль 18-й. „Кетли или возвращение в Швейцарию", опера-водевиль в одном действии, переведенная с французского г. Ленским, музыка взята из французской пьесы. За оною последует „Волшебная флейта или танцовщики по неволе", комической балет в двух действиях, соч. г. Бернардели, музыка г. Маковеца.

Этот документ проливает некоторый свет на названовский театр. Он прежде всего свидетельствует, что репертуар его в общем не отставал от современного и в том числе столичного репертуара. Подобно последнему, он состоял преимущественно из модного в ту эпоху жанра: водевиля и небольшой комедии. В этом жанре изображалась главным образом жизнь городских слоев населения в свете легкой сатиры, которая, однако, не обличала язв современности, а стремилась лишь придать пьесе известную пряность и нравящуюся зрителю остроту.

Впрочем, затрагивал репертуар названовского театра и чисто народную жизнь. Но он преподносил ее зрителю или

в старинных пьесах, рисующих крестьянскую жизнь заведомо неправдоподобно, как особо счастливую и потому завидную (например, „Мельник—колдун, обманщик и сват"), или же в современных, того времени, крайне ходульных и слащавых драмах, утверждающих „чувство преданности, верности, добровольного повиновения постановлениям высочайшей власти и законам отечественным" (напр., „Семейство Старичковых", „Великодушие или рекрутской набор").

В общем же репертуар названовского театра был разнообразен, заключая в себе и другие жанры—драму, оперу, балет.

Приведенный документ ясно свидетельствует также и о том, что труппа театра была очень разносторонней. Она, как видим, выступала во всех жанрах сценического искусства—драме, опере, балете,—хотя, правда, строгой раздельности между ними тогда не существовало.

Но, так сказать, специальностью труппы была опера: из 30-ти пьес, входящих в репертуар, было 15 опер. Большинство их, как видим, составляли так называвшиеся тогда „оперы-водевили"—легкие пьески с заметным преобладанием музыкальной части. Но кроме их, труппой исполнялись сложные вещи, как, например, „лирическая" опера в трех действиях „Водовоз или двухдневное приключение" и „большая" опера в 3-х действиях „Леон или замок Черногорский".

В области драмы театр Названова явное предпочтение отдавал комедии: комедий в репертуаре значится девять, драм же только две.

Балет составлял, повидимому, наиболее слабую часть театра, будучи представлен всего-на-всего двумя номерами.

Эти основные части спектаклей дополнялись иногда интермедией, „дивертисманами" и „разными национальными характерными плясками и танцами", сольным и хоровым пением.

При театре имелся хор и оркестр.

О труппе названовского театра сведений не сохранилось. Вследствие этого о ней можно составить лишь общее представление на основании данных о других крепостных театрах.

Будучи в общем незначительным, рядовым, театр Названова не представлял собою, конечно, счастливого исключения из ряда других крепостных театров. Поэтому можно думать, что подобно им, труппа его была сформирована из псарей, поваров, лакеев и прочей „дворовой челяди", в свободное от сценических занятий время выполнявшей свои основные обязанности. Можно затем предполагать, что количественный состав труппы, несмотря на всю ее разносторон-

ность и разнообразие выполняемого репертуара, был не велик, ибо даже в крупных крепостных театрах одни и те же актеры играли обычно во всех жанрах и нередко состояли в то же время музыкантами. Можно, наконец, быть уверенным, что положение актеров Названова, как во всех крепостных театрах, было крайне тяжелым, что жизнь их протекала среди произвола, жестокости и всяческих лишений.

И тем более любопытными являются для нас следующие штрихи, имеющиеся в вышеприведенном репертуаре. Как известно, положение крепостного актера было так приниженно, что в афишах, репертуарах и проч. буква „г" в смысле обозначения „господин", „госпожа", перед фамилией его никогда не ставилась. Названов же, представляя губернатору репертуар своего театра, игнорирует это правило. Там, как мы видим, буква „г" стоит и перед фамилией Бажановой, и перед словом „Актеров", написанным к тому же с прописной буквы. Характерен также и тот факт, что три самых лучших спектакля были отданы Названовым в пользу своих актеров.

Что касается персонального состава труппы, то из всех работников ее известны только двое—Алексей Лабутин и Стефанида Бажанова.

Лабутин состоял в труппе лицом административным— „управляющим театральной конторой". Но был ли он одновременно и актером, в точности неизвестно

Бажанова же была, повидимому, лучшей актрисой труппы, и, судя по отметке в репертуаре (см спектакль 2-й), она обладала хорошим голосом. В то же время, как бы разделяя общую участь премьерш провинциальных крепостных театров, она состояла любовницей холостяка Названова и имела от него детей. Впоследствии он отпустил ее на волю, а перед смертью, как увидим далее, женился на ней. Для характеристики Бажановой можно добавить, что она была грамотной.

Играл названовский театр во Владимире в течение двух месяцев: декабря 1832 года и января 1833 года. За это время им были поставлены все те 18 спектаклей, которые перечислены в приведенном репертуаре, при чем один из них (какой именно—неизвестно) повторен, согласно тогдашних узаконений, в пользу инвалидов и дал сбор в сумме 110 руб. ассигнациями [*]). К сожалению, никаких отзывов об игре названовского театра до нас не дошло.

Названов не отказывался выступать со своим театром *и бесплатно*, если дело касалось благотворительных целей. Известен, например, такой факт.

---

[*]) Архив канц. Влад. губернатора, 1833 г., дела №№ 70, 378.

Циркуляром от 27 декабря 1836 года министр внутренних дел граф Блудов предписал губернаторам организовывать в управляемых ими губерниях всевозможные публичные увеселения в пользу „Комитета, учрежденного в 18-й день августа 1814 г.“, имеющего целью „призрение и содержание заслуженных воинов и их семейств“. Исполняя этот циркуляр, владимирский губернатор обратился с соответствующим призывом к местному дворянству. И Названов, „с отменной готовностью и расположением“, отозвался на него: 28 февраля 1837 года он устроил в своем домашнем театре спектакль для жителей города Меленок, на котором сделал в пользу инвалидов сбор в сумме „55 руб. ассигнациями и золотом пять французских монет в 20 франков каждая“ [10]).

Играл назвaновский театр во Владимире и после, и при том даже не один раз. Но документальными сведениями мы располагаем только о последнем выступлении его здесь. Оно было в 1842 году и уже не носило, как прежде, характера беглой поездки, а имело вид солидного предприятия: Назвaновым на это раз, как гласят архивные документы, уже был „учрежден театр“. Он проработал во Владимире всю зиму—от ноября 1842 года до „великого поста“ 1843 г.— под управлением самого Названова.

Отношение владимирской администрации к назвaновскому театру и в этот раз было самым предупредительным. Губернатор, например, лично, а не через полицию требовал репертуар для отсылки на утверждение в III-е Отделение. При этом для уверения, что запрос этот продиктован требованием высшей администрации, Названову была послана копия с соответствующего циркуляра министерства внутренних дел [11]).

Репертуар назвaновского театра в это время состоял уже из 55 пьес. Но его, к сожалению, во владимирских архивах не сохранилось. Такое увеличение репертуара по сравнению с 1832 годом, когда в нем было всего только 30 пьес, ясно свидетельствует, что в эпоху упадка крепостных театров театр Названова не замирал, а развивался.

Вообще, основываясь на изучении архива канцелярии владимирского губернатора, можно полагать, что в 30-40 годы театр Названова, как крепостной, представлял собою во Владимирской губернии явление довольно крупное и был, кроме того, одним из немногих театров, доступных широкой публике. В частности, из упомянутого уже дела по организации владимирским губернатором публичных развлечений в пользу инвалидов видно, что в результате его стараний

[10]) Архив канц. Влад. губернатора, 1837 г., дело № 24.

[11]) Архив канц. Влад. губернатора, 1842 г., дело № 341.

по этой части на всей территории Владимирской губернии, кроме Названова, спектакль поставлен был еще только в городе Юрьеве-Польском „вольной" труппой московского мещанина Петра Житкова, собравшего на нем „17 испанских талеров и 60 коп. серебром" [12]).

В середине 40-х годов раз'езды названовского театра прекратились. Причиной этого была болезнь Названова. Под влиянием ее он впал в покаянное настроение, которое ознаменовалось с его стороны целым рядом соответствующих поступков. Так, в 1845 году Названов выстроил в своем Приклоне каменную церковь, а в ноябре месяце 1847 года, оправившись от паралича, он обвенчался там с давней своей привязанностью — крепостной актрисой Стефанидой Даниловной Бажановой, уже примерно в 1839 г. отпущенной им на волю. Тогда же он „в возмездие за беспредельно-верную любовь и преданность жены и по чувству супружеской к ней любви... завещал ей по кончине в вечное и потомственное владение" все свое имущество: движимое — содержимое родового приклонского барского дома, стоимостью 4000 р. серебром, и недвижимое — поместья в Нижегородской и Новгородской губерниях стоившие 60000 р. серебром, но, правда, заложенные в Московском опекунском совете [13]).

Одновременно с этим Названов отказал и сестре жены, Авдотье Ягодынской, „в вознаграждение за ласку и преданность по родственному к ней расположению", заложенную тоже в Московском опекунском совете „благоприобретенную часть" из села Приклона, заключавшуюся в 17-ти крепостных душах и в половинной доле водяной мукомольной мельницы о 3-х поставах, а всего на сумму 14300 р. серебром [14]).

Эти факты заслуживают того, чтобы быть отмеченными: в быту крепостного театра они были явлениями чрезвычайно редкими.

После женитьбы Названов прожил, однако, недолго: 13 января 1848 года он умер, не перенеся повторившегося паралича. Овдовевшая Стефанида Даниловна стала вводиться в права наследства. Но тут явилась сестра покойного, А. Н. Арцыбашева [15]), и, не удовлетворясь отходящей к ней по закону только родовою частью имущества, вступила с Названовой в тяжбу, об'явив завещание брата подложным и незаконным, как составленное им в невменяемом состоянии, — „во время сильного действия болезни" [16]).

---

[12]) Архив канц. Влад. губернатора, 1837 г., дело № 24.

[13]) Архив Владим. гражд. палаты, 1848 г., дело № 416.

[14]) Архив Владим. гражд. палаты, 1848 г., дело № 416.

[15]) Жена историка Н. С. Арцыбашева, писательница, переводчица немецкой книги „О торговле и мореплавании у древних". (Казань, 1831 г.).

[16]) Архив Влад. губ. правления, I отд., 2 ст., 1848 г., дело № 606.

В продолжение тяжбы Названовой пришлось пережить много неприятного. Поселившаяся вместе с нею в приклонском барском доме Арцыбашева всячески притесняла и травила ее. Не было забыто при этом, разумеется, „подлое“ происхождение Названовой и ее прошлое крепостной актрисы. Дело, наконец, дошло до того, что Названова принуждена была жаловаться на Арцыбашеву губернскому предводителю дворянства. Но последний к жалобе дворянки из крепостных актрис отнесся формально, и она поэтому никаких положительных результатов Названовой не дала [17]). А вскоре после этого Меленковский земский суд совсем выселил Названову из родового барского дома, как не имеющую права жить в нем в силу своего происхождения из „крепостных девок“. Названова поселилась тогда со своими детьми в гор. Меленках, где у нее было два собственных дома.

Проходя всевозможные судебные инстанции, тяжебное дело очутилось в конце концов в Нижегородской гражданской палате, где и было решено, но, повидимому, не в пользу Арцыбашевой, ибо последняя 20 сентября 1849 года перенесла дело в Сенат [18]).

Какое решение вынес по этому делу Сенат, мы не знаем. Благодаря этому остается неизвестным, кому именно из тяжущихся достался крепостной театр. Однако, можно думать, что в одни руки он не попал, а был разделен между наследниками. Такая судьба, впрочем, предопределялась ему и самим Названовым. Духовным завещанием он отказывал своей жене, Стефаниде Даниловне, только мертвый инвентарь театра—„музыкальные инструменты и ноты, театральные костюмы с декорациями и прочими принадлежностями“ [19]). Живой же инвентарь—актеры, надо полагать, должны были достаться или Арцыбашевой, если они входили в родовую часть имущества, или Ягодынской, если они составляли собою те именно 17 душ, которые, как сказано выше, были завещаны ей Названовым.

За время тяжбы театр Названова, будучи опечатанным, бездействовал. По окончании же ее он не возобновил своей деятельности и, таким образом, прекратил свое существование.

Что стало после этого с его актерами, неизвестно. Музыканты же, повидимому, не отошли от своего дела. По крайней мере, имеются сведения, что зимой 1851 года

---

[17]) Архив Влад. губ. предводителя дворянства, 1848 г., дело № 1512.

[18]) Архив Влад. губ. правления. I отд., 2 ст., 1848 г., дело № 606.

[19]) Архив Влад. гражд. палаты 1848 г., дело № 416.

они играли в оркестре открывшегося во Владимире театра И. И. Барсукова-Лаврова [19]).

II.

В то же время, т. е. в 20—40-е годы XIX столетия, во Владимирской губернии существовал и другой крепостной театр. Принадлежал он шуйской помещице Екатерине Ивановне Барсуковой и находился в ее поместье—сельце Воробьеве Шуйского уезда [20]).

Не будем делать характеристики обладательницы этого театра. Она в дальнейшем сложится сама собою, и Барсукова предстанет пред нами в образе свирепой крепостницы.

По сравнению с Названовым, Барсукова была помещицей небогатой, обладавшей всего только 114 крепостными душами [21]). Поэтому аграрный кризис, наступивший в 20-х годах, сказался на ней особенно остро, приведя ее хозяйство сразу же в большой упадок.

В поисках выхода из последнего, Барсукова последовала примеру других помещиков: принялась за усиленное выколачивание из своих крестьян всяческих выгод и, в частности, за эксплоатацию своего крепостного театра. 5-го мая 1823 года она уже обратилась к Владимирскому губернатору с ходатайством о разрешении „доставить удовольствие здешней шуйской публике"—дать в городе Шуе ряд спектаклей силами своего домашнего театра.

Но, стыдясь, повидимому, за снижение своего театра до уровня коммерческого предприятия, Барсукова не указала в ходатайстве целей и условий своей затеи. Поэтому губернатор, не искусившийся еще в подобных, только что начинающих входить в обиход, операциях помещиков, поручил сделать соответствующий запрос. На этот запрос шуйский земский суд 11-го сентября ответил, что Барсукова имеет в виду „приискать в удовольствие шуйской публики способный для сего дом", устроить в нем временный театр и давать там спектакли за такую в ее пользу плату: кресла 1-го и 2-го ряда—по 2 руб., кресла 3-го и 4-го ряда—по 1 р. 50 коп., места за креслами—по 84 коп., а „за оными места"—по 42 коп. Всех спектаклей Барсукова намеревалась поставить 25, при чем 2 из них она обещалась „дать на собственном ее иждивении в пользу сиротского дома", а в том случае, „ежели публика не будет оставлять своим

---

[19]) „Влад. Губ. Вед.", 1851 г., № 52.

[20]) Селение это теперь слилось с Иваново-Вознесенском и представляет собою юго-западную окраину его.

[21]) Архив канц. Влад. губернатора, 1850 г., дело № 253.

благосклонным посещением" ее театр, дать из этого же количества 3-й спектакль в пользу инвалидов [22]).

Таким образом, коммерческая цель затеи Барсуковой выявилась. Но прежде чем это произошло, у владимирского губернатора возникло другое дело, связанное с именем этой помещицы,—дело по жалобе крестьян сельца Воробьева на злоупотребления Барсуковой помещичьей властью.

Это дело очень ярко вырисовывает жуткие рабовладельческие нравы эпохи крепостничества и дает живое представление о той обстановке, в которой приходилось существовать и работать крепостному театру Барсуковой.

В жалобе своей, поданной губернатору 31-го июля того же 1823 года, крестьяне сельца Воробьева писали, что прежде они принадлежали помещику И. С. Нестерову и жили у него „без малейшего притеснения". Но с тех пор, как он умер и они по духовному завещанию отошли к его дочери, Е. И. Барсуковой, положение их ухудшилось. Новая владелица отобрала у них землю, которою они до этого владели, и взамен ее отвела другую, находившуюся в отдаленном и неплодородном месте. Затем Барсукова ввела такую тяжелую барщину, что, выполняя ее, крестьяне буквально вынуждены были работать „безостановочно". „Даже через то лишили мы себя,—писали они,—дневного пропитания, ибо всегда, отправляя работу господскую, уже для себя никаких крестьянских работ не исправляем".

Но притеснения крестьян Барсуковою этим не ограничивались. Крестьяне должны были еще пасти барскую скотину вместе со своей, платя за это особую плату пастуху. Затем они обязаны были давать ежегодно Барсуковой с каждого тягла: 15 аршин холста, барана или 5 рублей за него, курицу, 2 десятка яиц, „за сукно 1 рубль", 1 фунт белых грибов или 1 рубль за него, 1 фунт сушеной черники, 1 четверку клюквы, 2 мотка крученых ниток, 2 мотка простой пряжи и к тому же самим „оную пряжу в тканье холстов производить".

„А сверх сего,—добавляли крестьяне,—тиранит нас господин Барсуков [23]) всегдашними побоями, несмотря на то, что как мы, так и скот наш от голоду пришли в крайнее бессилие".

Подобные жалобы крестьян в ту пору крепостного права рассматривались как бунт против помещиков и жестоко карались. Но барсуковским крестьянам посчастливилось: губернатор предписал шуйскому предводителю дворянства

---

[22]) Архив канц. Влад. губернатора, 1823 г., дело № 51.

[23]) Муж Е. И. Барсуковой, поручик в отставке.

произвести по их жалобе „подробнейшее разбирательство“, приняв меры к ограждению крестьян от преследований помещицы.

Исполнение этого предписания не замедлило последовать: 13-го августа предводитель дворянства Шимановский сообщил губернатору, что„ как госпожа Барсукова, так и все крестьяне ее обязались: первая—не делать никаких притеснений, а последние—находиться у нее в послушании и повиновении“.

Однако, такое дипломатическое разрешение предводителем возникшего конфликта не удовлетворило Барсукову, и она обратилась к губернатору с письмом, исполненным обиды и негодования на жалующихся крестьян. „Родные мои и соседи,—писала она,—знают, что они (крестьяне) не только бедны, но имеют цветущее состояние и ходят как купцы в тонких сукнах и нанках, в пуховых шляпах, а жены их в казимировых шинельках, шалях и в шелковых платьях, даже самые бедные (ходят) в ситцевых платьях и нанковых шинельках. Но избытки и праздность довели их до пьянства и крайней лености, даже самого озорничества, так что не только уже не повинуются но бьют старост и приказчиков. До моего владения (ими), некоторые (из них) точно ходили по миру. А ныне из них кто построил каменный дом, кто имеет доходу 1000 рублей на одно семейство. Но они вместо благодарности подали на меня просьбу, составленную из лжи и клеветы“.

В заключение своего письма Барсукова просила губернатора оградить ее от буйства крестьян. „Защитите, ваше сиятельство,—писала она,—прикажите привести их в резон и повиновение“.

После такого письма помещицы дело для крестьян могло принять крайне дурной оборот. И возможно, что оно завершилось бы действительно приведением их в „резон и повиновение“, если бы впавшие в отчаяние крестьяне не предотвратили такого оборота дела, подав 7 сентября губернатору новую жалобу.

На этот раз крестьяне жаловались на неправильность дознания, произведенного по их жалобе предводителем дворянства. Это дознание, по их описанию, происходило без участия членов земского суда, в барском доме и даже в присутствии самих Барсуковых. Благодаря всему этому, для крестьян создалась обстановка самая невыгодная. Пользуясь ею, предводитель открыто принял сторону Барсуковых и не давал крестьянам высказываться против них. То же делали и Барсуковы, а сами выставляли крестьян, как пьяниц и бунтовщиков. Крестьяне стали было просить вызвать на дознание священника села Иванова, Г. Михайлова, и кого либо

из посторонних людей, но предводитель в этой просьбе им отказал. Отказал он и в другой просьбе — допросить, в доказательство жестокостей Барсуковых, оброчного крестьянина Ефима Иванова, которого по приказанию Барсукова староста бил однажды палками с такой яростью, что „пришел в изнеможение", после чего, „забыв человечество и христианство", наказание стал продолжать сам Барсуков.

Обрисовав таким образом дознание, произведенное предводителем дворянства, крестьяне просили губернатора назначить настоящее следствие с откомандированием на чего членов от губернского правления. Такого следствия губернатор не назначил, а 13 сентября предписал шуйскому предводителю произвести вторичное дознание.

Поняв, что дело принимает серьезный оборот, предводитель на этот раз не стал защищать Барсуковых. „Помянутые крестьяне,—сообщил он 8-го октября губернатору, найдены мною в худом положении и изнуренными от господских работ, ибо для всех оных из числа 80 душ определено только 13 тягол, а прочие все находятся на оброке. По свидетельству же, учиненному мною при посторонних людях, у каждого издельного крестьянина оказалось хлеба ржаного в самомалейшем количестве, которого едва ли может стать им на один месяц. Не более того найдено и ярового хлеба, равно и корма скоту. При всем том озимое их поле до половины совсем не запахано, почему об‘явлено от меня госпоже Барсуковой, чтоб она для поправления крестьян своих дала им свободное время, не делая никаких притеснений, на каковой случай и взято с нее об‘явление".

Таким образом, справедливость жалобы барсуковских крестьян подтвердилась в конце концов самим предводителем дворянства. Вместе с этим обнаружилась и ложь их владелицы, допущенная в выше процитированном письме. И губернатор тогда дал делу надлежащий ход, направив его 24 октября в губернское правление [21]).

Чем оно там закончилось, выявить не удалось. Это, однако, нисколько не изменяет мрачной картины невыносимо-тяжелого положения крестьян Барсуковой, а вместе с этим и ее дворовых людей, к которым принадлежали и актеры домашнего театра.

Дело, возникшее по жалобе крестьян, отвлекло Барсукову от открытия спектаклей в Шуе. Подработать в этот раз на театре ей, таким образом, не пришлось, но потом, конечно, удавалось не однажды.

К сожалению, театрально-предпринимательскую деятельность Барсуковой мы можем иллюстрировать всего

[21]) Архив канц. Влад. губернатора. 1823 г., дело № 44.

только одним примером. В сентябре месяце 1841 года Барсукова обратилась к шуйскому городничему с просьбой исходатайствовать дозволение на открытие в городе Шуе, в каком-либо частном доме, временного публичного театра. Исполняя эту просьбу, городничий снесся с губернской администрацией, и последняя, в лице владимирского губернского правления, удовлетворила его ходатайство. 25-го октября губернское правление позволило Барсуковой „открыть театральные представления, но с тем чтобы пьесы разыгрываемые были не иначе, как одобренные к напечатанию внутреннею цензурою, чтобы место к тому избрано было правильное и безопасное и чтобы был дан бенефис в пользу изувеченных,—за чем и обязывается полиция иметь строгое наблюдение, руководствуясь в сем случае правилами, из'ясненными в 14-м томе законов, и не допуская при представлениях отнюдь никаких беспорядков и шуму[25]).

Театр Барсукова открыла. Но проработал он, однако, недолго. Наступившие холода и отсутствие возможности отыскать отопляемое помещение заставили театр в первых числах ноября закрыться.

За время такого непродолжительного существования театр Барсуковой успел поставить только следующие пьесы: „Жених на расхват или все сваты невпопад“, „Невеста под замком“, „Мыза на столбовой дороге“, „Траур или утешенная вдова“, „Ссора или отставной судья“, „Роман на большой дороге“, „Марфа и Угар или Лакейская война“[26]).

Даже только этот перечень разыгранных пьес, в большинстве своем одноактных водевилей и комедий, позволяет сделать заключение, что театр Барсуковой был невысокого качества. Он во всяком случае был слабее театра Названова, который, как мы видели, обладал разносторонней труппой, оркестром, большим репертуаром.

Тем не менее и театр Барсуковой находил себе зрителей в Шуе. За это говорит хотя бы тот факт, например, что спектакль, поставленный согласно требованиям тогдашних законов в пользу „изувеченных“, дал сбор в сумме 115 рублей ассигнациями.

После описанного выступления в Шуе, театр Барсуковой просуществовал недолго. В 1843 году обладательница его умерла[27]), а вместе с нею умер и ее театр. О дальнейшей судьбе его актеров никаких сведений не сохранилось. Здание же театра было продано наследниками Барсуковой на сломку[28]).

---

25) Архив Влад. губ. правления, 1841 г., дело № 732.
26) Архив канц. Влад. губернатора, 1841 г., дело № 116.
27) Архив канц. Влад. губернатора, 1850 г., дело № 253.
28) „Труды Влад. Губ. Стат. Комитета“, вып. III., Владимир, 1864, стр. 62.

III.

Так промышляли владимирские помещики-театралы крепостными театрами в годы упадка своего благополучия. К сожалению, никаких данных, свидетельствующих о размерах получаемого ими при этом заработка, не сохранилось. Но едва ли нужно сомневаться в том, что заработок от эксплоатации театров в общем был достаточным и что он только оправдывал содержание последних: других средств на это как у Названова, так и у Барсуковой не было.

Не малую роль в содержании театров сыграла, конечно, и любовь к ним, несомненно имевшаяся у обоих этих помещиков. И благодаря всему этому театры просуществовали сравнительно долго и умерли одновременно со своими владельцами.

Однако, смерть для обоих этих театров была вполне своевременна. Иначе они все равно бы погибли, как погиб в конце 40-х годов крепостной театр вообще, погиб даже как коммерческое предприятие, будучи вытеснен вольным предпринимательским театром, конкурировать с которым, в силу обозначившегося к этому времени явного преимущества вольнонаемного труда перед подневольным крепостным, было невозможно [29]).

К концу 40-х годов в наших Владимирских краях произошло то же, что и везде: крепостной театр прекратил свое существование и театрально-предпринимательское дело перешло от помещиков к профессионалам-антрепренерам. Ими у нас, как везде, стали не дворяне, а представители мелкой буржуазии [30]), разночинцы [31]) и мещане [32]). Даже больше того—мы встречаем среди них крепостного крестьянина, и, таким образом, вслед за гибелью дворянского крепостного театра сталкиваемся с интересным фактом возникновения новой формы крепостного театра, но крепостного уже в смысле принадлежности его крепостному крестьянину, т. е. представителю той социальной группы, которая до этого времени комплектовала собою только кадры помещичьих трупп.

Этот любопытный и быть может не только для нашего края исключительный факт имел место в центре нарождав-

---

29) В. Всеволодский—Гернгросс. История русского театра. Т. I-й.—1928 г.

30) Например, зарайский 3-й гильдии купец И. И. Барсуков-Лавров, организовавший в 1851 г. постоянный театр во Владимире.

31) Например, коллежский регистратор Азбукин, державший в 1851 г. театр в Муроме.

32) Например, козельский мещанин Б. Соловьев, державший зимой в 1847-48 г. театр во Владимире.

шегося промышленного капитализма Владимирского края—в большом и богатом селе Иванове, Шуйского уезда [33]), где летом 1852 года, едва ли не впервые, возник публичный театр.

Обладатель этого театра—местный крепостной крестьянин Аким Иванович Шаров, сам, однако, актером не являлся. Он был только одним из многочисленных в селе Иванове—периода первоначального накопления—предприимчивых людей, типа подрядчика, взявшимся за содержание театра случайно. Неудивительно поэтому, что с труппой своего театра он поступил, как с обычной рабочей артелью: отобрал от актеров паспорта и—мало того—сдал их полицейскому приставу.

Но применив к труппе такую меру, ярко иллюстрирующую приниженное положение провинциального актера того времени, Шаров не позаботился о выполнении главного условия, обязательного в то время для провинциальных театров, а именно—о представлении репертуара на утверждение в III Отделение. И результаты этого упущения, как увидим далее, не замедлили сказаться на работе театра самым неблагоприятным образом.

Узнав о существовании его, губернатор, как это и следовало ожидать, затребовал репертуар для представления в III-е Отделение. Предписание это, конечно, немедленно было исполнено, и 30 июня репертуар был уже в распоряжении губернатора. Он сохранился в подлинном виде и приводится ниже полностью.

Реестр пьесам.

1. „Его Превосходительство или средство нравиться“, оригинальная комедия-водевиль в 1 действии, соч. Коровкина.
2. „Так да не так“, комедия-водевиль в 1 действии, сочинение Коровкина.
3. „Новички в любви“, комедия-водевиль в 1 действии, сочинение Коровкина.
4. „Стряпчий под столом“, водевиль в 2-х действиях, сочинение Ленского, перевод с французского.
5. „Дезертир или тоска по отчизне“, водевиль в 1 действии, перевод с французского Ленского.
6. „Деловой человек или дело в шляпе“, водевиль в 1 действии, сочинение Кони.
7. „Волшебная флейта или плачет да танцует“, водевиль в 1 действии, сочинение Б-ва.
8. „Учитель и ученик или в чужом пиру похмелье“, опера-водевиль в 1 действии, сочинение Писарева.
9. „Комедия с дядюшкой“, опера-водевиль в 1 действии, сочинение Григорьева.
10. „Муж в беде или без вины виноват“, водевиль в 1 действии.
11. „При счастьи бранятся, при беде мирятся“, водевиль в 1 действии. сочинение Федорова.

[33]) Теперь это областной город Иваново-Вознесенск.

12. „Полюбовный дележ или комната с двумя кроватями“, водевиль в 1 действии, переделан с французского Андреевым.

13. „Опекуны“, комедия в 2-х действиях, сочинение Дементьева.

14. „Ворона в павлиньих перьях“, водевиль в 1 действии, перевод с французского.

15. „Покойная ночь или суматоха в Щербаковском переулке“, водевиль в 1 действии, перевод с французского.

16. „Что и деньги без ума“, водевиль в 1 действии, сочинение Соловьева.

17. „Необыкновенный случай“, водевиль в 1 действии, перевод с французского.

18. „Музыкант и княгиня“, драма в 2-х действиях.

19. „Шельменко волостной писарь“, комедия в 3-х действиях, сочинение Основьяненко.

20. „Дочка Его Благородия“, водевиль в 1 действии.

Его сиятельства Графа Дмитрия Николаевича Шереметева [34]) села Иванова крестьянин Яким Шаров.

8-го июля губернатор отослал этот репертуар на утверждение в III Отделение. Последнее, однако, крайне задержалось с этим. Наконец, 16 октября рассмотренный репертуар был возвращен. Но тут оказалось, что три пьесы из него, именно №№ 6, 10 и 19, к постановке запрещены. Кроме того, III Отделение предписало губернатору отобрать эти пьесы и выслать ему для просмотра.

Выполнить это требование было, однако, уже нельзя. Лишенный возможности играть вследствие задержки III Отделением утверждения репертуара, театр Шарова к этому времени прекратил свое существование. А сам Шаров, опрошенный земским судом по поводу пьес, показал, что они увезены актером Петром Захаровичем Верстовским, „отошедшим“ на работу в Костромской театр.

Об этом губернатор сообщил в III Отделение, чем конфликт и исчерпался [35]).

На этом мы закончим свои немногие страницы, посвященные крепостным театрам Владимирского края.

---

[34]) Любопытно, что этот владелец села Иванова был сыном знаменитой крепостной актрисы П. И. Ковалевой—жены графа Н. П. Шереметева, обладателя известных Кусковского и Останкинского крепостных театров.

[35]) Архив канц. Влад. губернатора, 1852 г., дело № 474.